

Элеонора Брайтон

серия «Переплетение судеб#1»

ИГРА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Элеонора Брайтон

Игра

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Брайтон Э.

Игра / Э. Брайтон — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Интригующий любовный роман. Занимаясь бизнесом не один год, Антонио Марчиони завоевал репутацию жесткого, делового, добивающегося чего бы не стоило своего человека. Он не привык к отказам, никто и не посмеет ему отказать. И сейчас он хочет купить виноградник, принадлежащий бабушке Нины, известного аналитика на всем северо-западном побережье Штатов, но неожиданно известный бизнесмен сталкивается с сильным противником - женщинами семьи Блиссе-Брукс. Несмотря на все трудности, у судьбы имеются свои планы на его счет, как только дороги двоих людей пересекаются. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Элеонора Брайтон «Игра»

Оформление обложки: https://www.freepik.com/free-photo/glass-red-wine-splashing-black-background_2572417.htm

1

Сегодня был такой же рабочий день, как и всегда, собственно, ничего нового – босс заглянул с утра в ее маленький кабинет и напомнил про отчет по фондовому рынку.

Она изучала, выискивала, смотрела, сравнивала и почти уже закончила, записывая свои рекомендации, когда раздался телефонный звонок.

– Нина, тебе еще много осталось? – спросил Мартин, на заднем фоне шелестя какими-то бумагами на столе.

– Почти закончила. Через пару минут вышлю тебе по почте. Что-то случилось? – Он никогда ее не торопил и почти никогда не звонил. Его звонок мог означать только одно – она ему срочно понадобилась, сегодня был ее последний рабочий день, а завтра она будет свободна, как птица. Неделя отпуска!

– Мне только что позвонил один из наших самых уважаемых и известных клиентов – Антонио Марчиони, он хочет получить бизнес аналитику..., – босс замешкался, – по одному винограднику в Сонома и винной промышленности в целом, он собирается заехать к нам к четверем. Не совсем понимаю, чем вызвана такая спешка... если он только не желает его купить, – словно про себя пробубнил Мартин под нос.

Нина затаила дыхание, сделав глоток горячего кофе из пластикового стаканчика.

– По какому именно винограднику? – наконец, спросила она.

– Сейчас... я записал... «Сонома Ярд Вэллей». – Нина замерла, не зная, что и сказать. – Ты сможешь быстро подготовить отчет? Ты недавно делала что-то подобное, так ведь?

– Да.

– Давай, последний рывок, перед отпуском.

– Конечно.

– Вот и отлично, – и босс положил трубку.

Нина медленно опустила трубку, задумчиво глядя на экран монитора. Потом она потеряла виски, сделала еще один глоток кофе, встрепенулась, словно выйдя из транса, и набрала номер бабушки. Ей пришлось подождать несколько гудков.

– Мона, – произнесла она, как только на том конце раздался низкий голос бабушки. – Как у тебя дела?

Мона вздохнула, а потом ответила:

– Жива пока, не могу того же сказать про Дэна.

Наступила пауза, Нина судорожно сжала телефонную трубку.

– Как?! Он что умер?

– Да, сердце. Завтра будет прощание, наверное, соберется весь город. Я не стала тебе звонить, ты же все равно собиралась сегодня вечером приехать ко мне, а?

– Да... Но как же так?! Когда я видела его в последний раз он выглядел здоровым.

– Смерть не выбирает больной ты или здоровый, она просто забирает... вот и все, ты же знаешь.

– Да, тогда мне понятно почему семья Марчиони заинтересовалась виноградником Дэна.

– Ох, эти стервятники уже тут как тут. Шастуют тут по всему городу. Поговаривают, что они тоже придут на поминальную службу.

– А Дэн случайно не продал им свой виноградник перед смертью.

– Нет... Этого точно не могло быть, ты же знаешь, для него «Сонома Ярд Вэллей» был его жизнью, он ни за что бы с ним не расстался. Поэтому не понимаю почему они им интересуются. Дэн бы обязательно мне сказал...

– В этом даже я не сомневаюсь. Бабушка, мне очень жалко слышать такие новости, я знаю насколько вы были дружны всю жизнь, он же был лучшим другом твоего мужа.

Мона тяжело вздохнула в ответ.

– Все мужчины, которых я когда-то любила покинули меня, – потом она помолчала и более резко добавила: – Ну, хватит причитать. Я жду не дождусь, когда ты приедешь, Санни.

Нина улыбнулась от детского прозвища Санни – солнечная, так называла ее бабушка с самого детства из-за огромной гривы непослушных рыжих кудряшек и веснушек на лице.

– Увидимся, я постараюсь не поздно, ба.

И они распрощались, Нина открыла папку на компьютере и стала искать свой недавний, двухнедельный аналитический отчет о винодельческой промышленности долины Напа и Сонома. Ей оставалось еще раз его прочитать, внести минимальные изменения и добавить... собственно добавлять было нечего, в отчете она давала финансовую аналитику прибыли и производства виноградников Сонома Вэллей, к которым относился и «Сонома Ярд Вэллей» Дэна, недалеко от города Сонома, занимающий площадь 25 га и граничащий с виноградником бабушки (маленьким правда, всего 5 га), который назывался «Вино Моны».

Насколько она знала, виноградник достался Дэну от отца, это был семейный бизнес, которым он очень дорожил. Ему не раз делали предложения о покупке, заниматься виноделием – дорогое удовольствие, требующее не только физических, но и главное финансовых вложений. За последнее время Дэн, он сам говорил Нине, затеял реконструкцию баритария, чтобы идти в ногу со временем. Скорее это было связано с туризмом, теперь многие виноградари предпочитали заключать контракты с туристическими агентствами, которые завозили к ним толпы туристов. Бизнес от этого только выигрывал.

Время приближалось к четырем часам вечера, когда она распечатала отчет и направилась в кабинет шефа. Миловидная ассистентка, улыбнувшись, кивнула ей в сторону кабинета.

– Они тебя ждут.

– Они?!

– Шеф и клиент – Антонио Марчиони.

Нина выдохнула, поправила воротник блузки, открыв дверь, вошла.

Мужчины поднялись со своих мест. Мартин в темно-сером костюме и разноцветном ярко-зелено желтом галстуке (разноцветные галстуки были его страстью), русский с голубыми глазами в очках в тонкой оправе. И высокий черноволосый мужчина в темно-синем костюме, темными, как маслины, глазами, выпирающим подбородком и прямым носом с горбинкой. Он быстро окинул Нину взглядом, едва улыбнувшись.

– Нина, познакомься Антонио Марчиони, а это наш лучший финансовый аналитик, не побоюсь этого слова, на всем Северо-Западном побережье Штатов.

Нина слегка улыбнулась комплименту, кивнув известному бизнесмену.

Она села напротив него за стол, положив перед ним отчет. Он тут же стал бегло просматривать, переворачивая страницы.

– Я не буду это читать, – произнес Антонио низким баритоном, – у меня нет на это времени. Меня интересует стоимость конкретного виноградника. Сколько? – Он поднял голову и посмотрел прямо на нее.

– Учитывая последние годы, виноградник показывал неплохую прибыль, пино нуар и каберне, а также совиньон всегда будут пользоваться спросом...

– Меня интересует, – перебил ее мужчина, – сколько? Сколько стоит гектар?

Нина напряглась от такого бесцеремонного поведения. Она не привыкла, чтобы ее не слушали, особенно, когда речь заходила о подобных вещах, бизнесмены хотели услышать ее мнение, узнать все тонкости, покупая винодельню, начиная с того сколько придется вложить и какую прибыль они смогут потом извлечь.

– По расчетам на сегодняшний день гектар может стоить от пятисот тысяч. Но с каждым днем он будет только дорожать.

– Хм, – в его глазах что-то промелькнуло, но Нина не уловила, что конкретно – удивление ценой или ею, что она правильно назвала цену. – Не думаю, что будет дорожать с большой скоростью.

– Сонома Вэллей, да и весь регион штата Сонома, фактически сравнялся по цене с регионом виноделия Напа. Тем более, что Сонома находится в более выгодных условиях, в штате имеется 12 областей, выделенных под виноделие, и количество виноделен говорит само за себя – 250 на сегодняшний день. Кроме того, стоит учесть, что «Сонома Ярд Вэллей» производит в год около 120 тысяч бутылок, и у этой винодельни имеются также покупатели на сырье – сам виноград. И если вы рассматриваете приобретение винодельни подобного уровня, то все производство с самим виноградником может стоить в районе... по приблизительным расчетам, более точно можно будет сказать, произведя оценку интересующего вас места... – Он в упор смотрел на нее, у Нины появилось такое чувство, будто он еле сдерживался, стараясь ее дослушать, не перебивая. Пока она говорила хорошо поставленным голосом, стараясь вести себя профессионально, он перевел взгляд на ее губы, потом опустил ниже на кремовый ажурный широкий воротник ее блузки, и Нина поймала себя на мысли, что, если он только посмеет опустить взгляд еще ниже – на ее грудь, она точно поставит его на место, кем бы он не был, хоть сам Бог. Но он резко перевел взгляд на ее лицо, с ухмылкой.

– Может стоить от 14 до 18 миллионов долларов, – заключила она, – в зависимости от места.

– Меня интересует именно это место, – тут же произнес он, – меня интересует «Сонома Ярд Вэллей» со всеми тридцатью га виноградника, всеми постройками, включая производство. Мартин, – он повернул голову к ее шефу, – разве я не ясно выразился? Меня не интересуют другие виноградники, я же ясно дал понять.

Мартин поправил очки на носу, ясно нервничая, кашлянул пару раз прежде, чем ответить:

– Мистер Марчиони, вы высказались предельно ясно, Нина озвучила вам приблизительную цену, за которую можно купить эту винодельню, но... – он развел руками, – поймите нас правильно, владелец не заявлял о желании продать ее, и чтобы не нарушать закон, мы обязаны получить его письменное согласие, только тогда сможем получить доступ к его финансовой отчетности, и только уже затем сможем произвести полную оценку всего имущества, включая винодельню и виноградники.

– Его имущество будет выставлено на торги в ближайшее время. Владелец скоропостижно умер.

– О, Господи! – воскликнул Мартин.

– Очень жаль, – тихо произнесла Нина, Антонио тут же кинул на нее свой ястребиный оценивающий взгляд.

– Все мы под Богом ходим. Но перейдем к делу, меня интересует именно эта винодельня с 60 гектарами земли, поэтому я еще раз прошу, – он опять перевел взгляд на Мартина, сделав ударение на «еще раз», – дать мне подробную финансовую оценку.

– Мистер Марчиони, согласно закону, мы обязаны дождаться оглашения завещания о принятии наследства.

– У него нет наследников... насколько я знаю. Все его имущество пойдет с молотка, – и судя по тому, как стали подниматься очки Мартина на лоб, он добавил: – образно выражаясь. Торги будут закрыты.

Лоб Мартина покрылся потом, он поерзал в своем кресле, потом кашлянув, произнес:

– Мистер Марчиони, вы один из самых уважаемых клиентов нашей фирмы, мы очень вас ценим и всегда готовы сделать все возможное, но пока не будет оглашено завещание и принято постановление о торгах, к сожалению, – Мартин смотрел на него, как побитый щенок, разводя руками, – у нас связаны руки.

Антонио хмыкнул.

– Значит связаны руки?! – Потом он перевел взгляд на Нину, отчего она тут же напряглась, видя, как заходили у бизнесмена желваки на скулах. Нина даже забыла, как дышать, да этот человек злился и явно давал понять, что лучше под горячую руку ему не попадаться. – Хорошо, – наконец, произнес он, не отводя от нее взгляда, она почувствовала холодок по спине и подумала не плохо, что на ней надета блузка с длинными рукавами, и он не видит мурашек у нее на руках. И странное дело от его взгляда у нее внутри все затрепетало, несмотря на мурашки на руках, и в его глазах тоже что-то промелькнуло, хотя всем своим видом он показывал, что с ним шутки плохи и злить его совсеееееем не стоит.

– Завтра будет оглашено завещание, думаю, что неожиданностей не будет. Затем на следующей неделе, можно будет считать, что винодельня будет выставляться на торги. Что тебе нужно, чтобы ты выполнил то, что я прошу? Заявление его поверенного?

– Да, заявление его поверенного будет вполне достаточно... письменного, – более тихо добавил Мартин. Марчиони зыркнул на Нининого босса, хищно улыбнувшись.

– Конечно... письменного, – он поднялся, Мартин тут же вскочил на ноги, Нина тоже встала. – До свидания, лучший финансовый аналитик... на всем Северо-Западном побережье Штатов, – он протянул ей руку.

– Всего хорошего, мистер Марчиони, – произнесла она, пожимая ему руку, его ладонь была широкой и горячей, но едва коснувшись ее, она тут же высвободила свою руку, открыто смотря ему в глаза, и не смогла удержаться, вытерла руку об юбку. Он замер, словно на него вылили ведро холодной воды, но быстро взял себя в руки, еще раз мимолетно окинув ее взглядом с головы до ног, уголки его губ приподнялись, а потом он напустил на себя серьезное выражение, добавив: – Еще увидимся.

И направился к двери, Мартин посеменил за ним, что-то говоря по пути. Мужчина уверенно широким шагом двигался к выходу из приемной, мало обращая на босса Нины внимания. Нина через какое-то время вышла за ними, надеясь с ними не встретиться, но оба мужчины стояли у лифта, Мартин продолжал что-то говорить, Антонио, вполуха слушая его, смотрел прямо перед собой, потом скользнув по появившейся Нине глазами, не стесняясь, вальяжно стал рассматривать ее фигуру, пока она шла по коридору в противоположную сторону. И Нина ощущала холодок по спине от его взгляда, отчего внутри у нее все сжималось, ей хотелось спрятаться, но она специально расправила плечи, как бы говоря: «Да, подавись ты!».

Она никогда не считала себя дурнушкой, наоборот, все говорили, что в ней есть определенный шарм, хотя роста она была не высокого, но решить эту проблему помогали шпильки, которые она очень любила. Сегодня на ней были темно-синие велюровые, с кремовым цветком на носу из ткани, такого же цвета, как ее блузка. Волосы она выпрямила и убрала в высокий хвост на затылке, в ушах были большие тонкие золотые кольца, косметикой она почти не пользовалась, так пару штрихов серой подводки под цвет глаз, немного туши и еле заметный, телесного цвета блеск для губ.

Войдя к себе в кабинет, она плюхнулась в кресло.

– Вот же мудака! – не выдержав выругалась она, стукнув по столу кулаком. Через пару минут появился Мартин в дверях ее кабинета. Он молча вошел и закрыл дверь, потом достал платок и стал протирать очки.

– Редкостный ублюдок! Но он клиент, поэтому сама понимаешь.

– Он клиент, а ведет себя как будто Бог.

– С его деньгами он может себе это позволить.

– Хорошие манеры никто не отменял.

– Согласен. Подождем понедельника, но я больше чем уверен, что утром у меня будет заявление от поверенного. Тебе придется заняться этим делом.

– Я в отпуске, ты забыл?

– Нина..., – он потер переносицу, – ладно, я попрошу Джека, дам ему твой отчет, чтобы он сначала ознакомился с чем будет иметь дело. Могу сказать одно, завидую, что следующую неделю ты забудешь об этом дурдоме. Но если что...

– Да, ты сможешь со мной связаться..., – она подняла палец, – только в крайнем... в самом крайнем случае.

– Заметано, когда я тебя подводил, – ответил Мартин, хватаясь за ручку двери.

– Не было такого.

– Ладно, оторвись там в отпуске.

Она улыбнулась, махнув рукой.

– А тебе здесь выстоять...

– Эх, мне не в первой. Пока.

И он исчез за дверью, что-то напевая себе под нос. Нина всегда поражалась способности своего шефа, быстро абстрагироваться и переключаться на другие вопросы. И как ему удавалось вести несколько дел одновременно, встречаться с совершенно разными по своему финансовому положению и характерами клиентами, к каждому находить нужные слова и подход – это было достойно восхищения. Мартин имел вес в определенных кругах, за пятьдесят лет консалтинговая фирма, где он был старшим партнером, завоевала себе железную репутацию. Финансовая аналитика и заключения, которые выходили под логотипом этой фирмы, приравнивались к аксиоме в математике. Нина была рада, что работала с Мартином, старшим партнером, она многому у него научилась, например, сохранять спокойствие в любой ситуации, а главное она занималась тем, что больше всего любила – сравнивала, вычисляла, подсчитывала, проводила параллели, выстраивала связи, в общем занималась цифрами. А цифры были для нее всем.

2

И любовь к цифрам передала ей бабушка. Еще будучи маленькой, Мона ей частенько говорила: «Если ты полюбишь цифры, они откроют тебе свою магию, и все поведают». И Нина старалась, можно даже не добавлять, какой предмет был ее самым любимым в школе. Бабушка часто отгадывала с ней sudoku, поток кейфорды, потом они сами составляли разные головоломки, когда Нина подросла бабушка стала ей объяснять, что собой представляет каждая цифра, и это оказался целый мир совершенно неведанного, ей даже казалось, что помимо обычных характеристик чисто человеческих, цифры обладали запахом и, если можно так выразиться, характером. Например, она часто встречала по своей работе людей 1, способных руководителей, решительных, отличающихся силой воли, готовых ринуться во тьму, будучи точно уверенными, что найдут выход и придут к нему с дарами, хотя в худшем своем проявлении они, как правило, были циниками и очень упрямыми. Изучая нумерологию в более зрелом возрасте, Нина обнаружила, что сама является 2, любительницей фактов, всегда готовая распутать любые ситуации, отличается миролюбием, обладает даром убеждения, иногда бывает застен-

чива и педантична. Нумерология открыла ей целый мир, помимо бабушки, которая частенько потом ей говорила, что она обладает определенным даром, который передается в их роду по наследству девочкам. И в отличие от Нининой матери, она унаследовала этот дар – цифры открывали ей свою магию и разговаривали с ней. И в дальнейшем Нина убедилась, что бабушка оказалась права, это было именно так. Цифры подсказывали и советовали...

После автокатастрофы, в которой погибли ее родители, единственным близкими людьми для нее была бабушка, ее младшая сестра Николь и Тео, ее старший брат, разница в возрасте, с которым у нее была всего один год, и она была старше Николь на пять лет.

Нина очень любила приезжать в Сонома, в город, где прошло ее детство, она каждый раз как бы возвращалась домой, недаром он назывался «Лунная долина», домики были одноэтажными или двухэтажными, улицы все в зелени, люди приветливыми, селившиеся еще с давних времен коммунарами, которые напоминали игрушечный городок своим разноцветием двухэтажных, пристроенных друг к другу, домов, клумбами с морем цветов. Наверное, от этого постоянно витал неповторимый аромат в воздухе. Здесь чувствовалось столько солнца, свободы, красоты, любви, что количество туристов, приезжающих каждый год, увеличивалось. Более обеспеченные предпочитали покупать здесь коттеджи, поговаривали, что это место было особенным еще со времен индейцев, воздух и сама атмосфера, царившая вокруг была способна излечить нервное расстройство и другие болезни.

И сейчас, находясь за рулем своего серебристого шевроле, она вздохнула полной грудью и подумала о бабушке, как та справляется со смертью Дэна.

Мона, сколько она ее помнила, была уникальной, нестигаемой женщиной, похоронившая еще в молодости свою сестру и брата, затем дочь и ее мужа – родителей Нины, Николь и Тео, затем через пару лет умер дедушка, муж Моны, из всех, с кем она была очень близка, его уже давно считали родственником и членом семьи, оставался только Дэн, друг ее детства. Они вместе росли Дэн, дедушка и Мона и стали закадычными друзьями, так и прошли всю жизнь.

Бабушка не все время жила в Сонома, она много ездила со своим мужем Дэвидом в командировки по стране и Европе. Она знала пять языков, прекрасно разбиралась в политике, искусстве, музыке и литературе, следила за новостями современного мира. Ее любили и уважали жители города, члены городского совета всегда раскланивались, она входила в женский совет общины. Но несмотря на всю ее современность, она любила карты... любила гадать... Некоторые пользовались ее услугами, хотя гадала она, как любила говорить: «Только, если карты позволят и будут разговаривать». Но карты почему-то с ней разговаривали всегда, наверное, потому что это были цифры, ведь она также обладала тем же даром, что и Нина. Она закуривала сигарету и смотрела, казалось бы, на обычные, ничего не выражающие картинки валетов, шестерок и тузов и начинала рассказывать историю. Наверное, Мону даже немного побаивались, потому что карты ей сообщали все, самые потаенные страхи и желания, какие были у людей. В гадании у бабушки точно был дар, но ее дар распространялся и на азартные игры. Больше всего она любила играть в покер и, ставшим таким популярным «Техасский холдем», а также в блэкджек. Когда открылись казино в близлежащих городах, она объездила их все, выигрывая не маленькие суммы, в какой-то момент управляющий «Гратона», крупнейшего отеля и казино в Петаламе, всего в получасе езды, взмолился, попросив бабушку навещать их не так часто, при этом он добавил, что они всегда рады ее видеть. А поскольку Мона прекрасно знала его жену, они вместе были одно время в женсовете Саномы, бабушка сдалась, встречаясь с ним теперь исключительно на семейных или городских праздниках.

Нина припарковала машину, выйдя потянулась, достала две сумки из багажника, и направилась к двери, зажатого среди других таких же разноцветных домов, голубого с красными ставнями и крышей двухэтажного домика. Не успела она подойти, как дверь распахнулась. Мона в разноцветной, темных тонов пестрой кофте и ярко-красной с зелеными и бирюзовыми

птицами длинной юбке, появилась на пороге. На голове у нее был повязан блестящий желтый платок с концами, соединенными сзади, в ушах длинные серьги с зелеными камнями, а на груди множество различных цепей разных размеров и толщины. Она звякнула браслетами, когда протянула к своей внучке руки.

– Санни, дорогая. Наконец-то.

– Бабушка, – она поцеловала ее в загорелую морщинистую щеку и вошла в дом.

Здесь всегда пахло как-то по-особенному – высушенными травами, которые любила собирать Мона, над кухонным островком на палке, свисающей на тросах с потолка, висели пучки лаванды, вербены и еще каких-то трав, названия которых Нина не знала. Ее дом был небольшим, всего две спальни и гостиная. После смерти мужа она продала тот большой дом, в котором выросли ее дети, можно сказать, и внуки.

Нина отнесла вещи в комнату с обоями ситцевого рисунка, двуспальной кроватью, креслом у окна и телевизором.

Потом вернулась на кухню, чтобы помочь накрыть на стол, спросила:

– Ба, что случилось с Дэном?

– Ему стало плохо, вызвали скорую, остановилось сердце, он умер в машине на пути в больницу. Мне позвонил его управляющий, – она глубоко вздохнула. – Я только вчера приехала от него с виноградников, да он все время потирал грудь последнее время, я сказала ему показаться врачу, он пообещал на следующей неделе сходить... Он был веселым, как всегда, но последнее время с ним явно что-то происходило... его что-то очень сильно беспокоило.

– Ты думаешь, у него что-то болело?

– Нет, я не про здоровье, я про жизнь, – ответила бабушка, раскладывая стейк на тарелки, – про его винодельню, виноградники, склад... модернизацию которую он затеял. Каждый раз, когда я заводила разговор на эту тему, он как всегда говорил: «Не беспокойся, Мона, все идет хорошо». Что хорошо? Этот безумный кредит?! Я узнала об этом безумном кредите от его управляющего.

– Кредит?! Он взял кредит? – спросила Нина, как только они сели за стол, и она стала раскладывать салат. Мона тем временем разливала в бокалы красное вино.

– Конечно, чтобы модернизировать склад и винодельню, его уговорил его бухгалтер, насколько я поняла. Если бы я до сих пор вела его бухгалтерию, я бы ни за что не согласилась, мало того, даже думаю, смогла бы его отговорить.

– Я не знала об этом, он мне ничего не говорил.

– Он никому последнее время ничего не говорил. Хотела бы я заглянуть в его финансовые отчеты, что там нагородил этот идиот бухгалтер.

– Ты же как год перестала заниматься его бухгалтерией, да? – Спросила Нина, отламывая кусочек хлеба.

– Точно. И уверяю тебя у меня все было в порядке... а сейчас я уже не уверена в этом. Сегодня утром мне позвонил менеджер и сказал, что ходят усиленные слухи, что винодельня Дэна будет выставлена на торги. Ты ничего не слышала?

И Нина вкратце пересказала бабушке разговор с мистером Марчиони, который очень хотел приобрести «Сонома Ярд Вэллей».

– Но пока поверенный Дэна не огласит завещание, никто не сможет получить финансовую отчетность о его винодельне. Никто, даже этот настырный мистер Марчиони, – добавила Нина.

– Интересно! – как бы задумавшись, произнесла Мона, потягивая вино. – Марчиони знает... опять взялся за свое.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Нина.

– А! Да так ничего, ешь, уже все остыло, ты, наверное, проголодалась, – и бабушка занялась едой, но каждый раз, когда Нина бросала на нее взгляд, замечала, что Мона о чем-то очень сильно думала, судя по ее отстраненному взгляду.

Остальная часть ужина прошла в тишине.

Нина тоже задавалась вопросом, почему мистер Марчиони так хотел заполучить виноградники Дэна, и чутье ей подсказывало, что это было не совсем связано с бизнесом, скорее с чем-то личным. Но что могло быть личного у Дэна с этой известной семьей, она даже не могла себе вообразить.

Они сидели в гостиной в креслах, фоном работал телевизор, попивая шардоне, когда раздался телефонный звонок. Бабушка с трудом поднялась и подошла к комоду, где лежал телефон.

– Да, – произнесла она, – о, мистер Рендорф рада вас слышать, хотя и жалко, что по такому поводу. – Мистер Рендорф был поверенным Дэна, его личным адвокатом всю жизнь. Бабушка внимательно слушала, потом сказала: – В три часа, конечно, мы придем. – Опять наступила пауза. – Приехала Нина, я хочу прийти с ней. – Видно, поверенный что-то сказал. – Договорились, завтра увидимся, Том, передавай привет жене. – И она повесила трубку.

Внимательно посмотрев на Нину, сказала:

– Он просит прийти в его адвокатскую контору для оглашения завещания в три часа, после похорон. Служба начнется в десять утра.

– А Тео не звонил тебе?

– Тео сказал, что приедет прямо на службу, Николь я позвонила, но понятно, что она не прилетит из Парижа, она выступает в каком-то показе мод. Я переживаю за нее Нина, она стала такой худой, ее нужно откармливать.

– Бабушка, сейчас все модели худые, она соответствует стандартам.

– Современные стандарты стали совершенно странными, модели напоминают ходящих скелетов, и почему они выхаживают все с такими лицами, как роботы, ты заметила? Словно им запретили проявлять эмоции, они напоминают мне зомби.

Нина засмеялась, делая глоток шардоне.

– Ты сама говорила, что многие известные модели тебе нравятся.

– Некоторые нравятся, не спорю, но в общей массе они напоминают солдат. Все-таки мы, женщины в большей степени эмоциональные существа, нам необходимо выражать свои эмоции, а не скрывать, иначе начинаются всякие нервные срывы.

– Ба, ты сама не всегда выражаешь эмоции, насколько я знаю.

– Меня уже научила жизнь за столько времени – перед кем стоит быть эмоциональной, а перед кем лучше мило улыбаться, как бы тебе в душе не было ужасно больно, потому что потом обязательно получишь нож в спину. Но там, в основном, все девушки молодые, им просто необходимо радоваться жизни, проявляя свои чувства, тогда мир вокруг них станет краше. Кстати, как у тебя с чувствами?

– О, ба, ты опять за свое! Я ни с кем не встречаюсь, у меня нет особо времени, и потом я просто не вижу с кем бы мне хотелось встречаться.

– Он уже на пороге, вернее ты даже его уже видела... но опять увидишь, – бабушка налила в бокалы еще шардоне. – Еще раз и ни один раз.

– Мона, ты опять раскладывала на меня карты?

– Даааа, – довольно улыбаясь, ответила она. – Конечно, раскладывала. И вышел твой мужчина... Именно предназначенный для тебя.

– О, Боже мой! – Нина покачала головой, и перевела взгляд на экран телевизора, на котором красовался Антонио Марчиони с потрясающей спутницей, явно моделью, при выходе из ресторана, где их окружили журналисты, задавая какие-то вопросы. Нина краем уха услышала, как бабушка еще раз задумчиво произнесла:

– Именно предназначенный для тебя, – Нина пыталась услышать, о чем он говорит.

Мужчина на экране уверенно, как всегда, держался перед камерой, быстро и коротко ответив на пару вопросов, затем кивнул и направился вперед, поддерживая блондинку, с таким видом, будто весь мир был у его ног, репортеры тут же расступились, пытаясь еще что-то спросить, но он вместе со своей спутницей нырнул в черный мерседес с тонированными стеклами. Машина стала отъезжать. Затем картинка сменилась и начался другой репортаж.

– Ба, почему мистер Марчиони все время говорил о тридцати гектарах виноградника Дэна, ведь пять из них принадлежат тебе?

– Не знаю, нужно будет завтра спросить у поверенного.

– У поверенного?! А какое отношение имеет поверенный Дэна к твоим пяти гектарам?

Мона улыбнулась, подняв бокал.

– Самое прямое, это же Дэн подарил мне и Дэвиду, моему мужу, пять гектаров из своего виноградника на нашу свадьбу. Сама понимаешь, это было очень давно, а потом через несколько лет мы построили там маленький домик. Помнишь его?

– Конечно. Мне больше всего нравится в нем.

Нина задумалась, а потом спросила:

– А Дэн когда-нибудь был женат?

– Да, но не долго, всего три года или меньше, они разошлись и больше он не женился.

– А почему они развелись?

– Я так думаю, потому что совсем были разными.

– Хм, – Нина улыбнулась, – можно подумать, что все другие – полностью одинаковые.

Другие же пары тоже все разные.

– Разные, но они не такие разные, как был Дэн и его жена. У них совсем не было интереса, в первый год они еще пытались как-то приспособиться друг к другу, но видно, если нет особой любви, даже и не особой, а просто любви, приспособливаться тоже не хочется... я бы даже сказала не за чем и не для кого. Только чувства могут заставить человека, желать измениться и приспособливаться уже будет без надобности.

– Они не любили друг друга? – спросила Нина.

– Думаю, что нет, иначе бы не развелись.

– Он ничего тебе не рассказывал?

– Нет, мы не касались этой темы. Ладно, что-то я устала за сегодня, завтра тоже будет напряженный день, – произнесла Мона, допивая вино. – Я иду спать.

– Спокойной ночи, я тоже сейчас пойду спать.

3

На следующее утро, заезжая на парковку церкви «Тринити Эпископал Черч», в которой должно было состояться прощание с Дэном, Нина обратила внимание на скопление народа перед входом. Чем ближе они подъезжали к церкви, тем больше было припаркованных машин на небольших красивых улочках – многие собирались посетить службу.

Дэн был известным человеком в городе. Долгое время он возглавлял муниципальный совет города, а потом стал и его мэром, во время его деятельности Сонома, действительно, преобразилась, стала более изысканной, более комфортной. Он построил многие школы, больницы, отели, теннисные корты, облагородил парки, Дэн любил этот город, он считал его своим, фактически долго прожив в нем. Хотя в молодости он уезжал учиться в Калифорнийский университет, затем около 10 лет проработал в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Нью-Йорке, а потом в сорок с чем-то вернулся и осел здесь окончательно.

Нина вышла из машины, попутно помахав знакомым, направившись к двери с противоположной стороны водителя, чтобы помочь выйти бабушке. Краем глаза она заметила у входа в церковь Тео, как всегда, в немислимой разноцветной рубашке (но сегодня на черном фоне кра-

совался какой-то замысловатый разноцветный орнамент). Свою любовь ко всеми разноцветному и яркому ему передала бабушка. На нем был темно-синий костюм, черные волосы сзади собраны в хвост, солнечные очки с зеркальными темно-синими стеклами сидели на носу. Нина, заметив его улыбнулась, он направился к ним. Бабушка открыла дверь и стала выбираться из машины. Она была одета в темно-бирюзовую цветастую длинную юбку и блузку брусничного цвета с множеством маленьких пуговиц спереди, и конечно же такое же множество украшений – с большими бирюзовыми камнями ожерелье, длинные, средние и короткие цепочки, кольца в ушах и браслеты поэтому, когда она совершала хоть одно движение, раздавался мелодичный звон. И неизменный платок брусничного цвета, завязанный сзади, на голове.

– Бабушка, подожди я тебе помогу, – она встала у двери и протянула ей руку.

– Санни, мне не сто лет, я еще сама в состоянии вылезти из машины, – пробормотала Мона, убирая ее руку и бодро выбираясь на тротуар, опираюсь на свою палку, хотя этот шедевр искусства трудно было назвать палкой.

Когда у бабушки стали болеть ноги и ей трудно стало ходить, она купила себе обычную палку, но Дэн, увидев ее, сказал, что такой женщине, как она не прилично ходить с таким уродством. Через день он принес ей высокую резную палку, напоминающую посох, который сделали его знакомые индейцы. Они даже разрисовали его в своем стиле, Моне он очень понравился, она немного усовершенствовала его, повязав сверху яркие ленты и колокольчики, теперь, палка-посох, правда, напоминала произведение искусства и без нее бабушка никуда не выходила.

Она, прищурившись, окинула Нину внимательным взглядом с головы до ног.

– Как тебе идет эта шляпка, – Нине захотелось сегодня надеть шляпку, которую ей очень давно подарил Дэн на день рождения – черную с широкими полями, верх был обвязан серебристой, переливающейся разными оттенками органзой, сзади завязанной изящным бантом. Она не стала убирать волосы в хвост, а оставила их свободно спадающими кудрями на плечи. И надела черное прямое платье по колено, такого же цвета шпильки, из украшений только на ней была нитка жемчуга на шеи.

– Мои самые любимые женщины! – воскликнул Тео, обнимая бабушку и целую ее в щеку.

– Тебе уже пора обзавестись еще одной любимой женщиной, лично своей, – заметила она, также внимательно рассматривая его. Тео возвышался над нею на две головы и улыбался во весь рот.

– Пока мне и так хорошо, ба, – ответил он, поворачиваясь к Нине. – Почему бабушка к тебе не пристает по поводу замужества? – Спросил он, обнимая сестру и целуя в щеку. – Сногшибательно выглядишь!

– Потому что ее мужчина уже стоит на пороге, – ответила бабушка, направляясь ко входу в церковь. – Ей другой не нужен, только он.

– Правда?! – тут же оживился Тео. – У тебя какие-то изменения в личной жизни? А я не в курсе.

Нина весело рассмеялась.

– Тебе же сказано, что он на пороге, но не известно на каком, – ответила Нина, подмигнув. – Я не знаю, кого пророчит мне Мона.

Тео довольно улыбнулся, взял ее под локоть, и они направились в сторону церкви вслед за бабушкой, которая стояла, окруженная знакомыми, о чем-то беседуя.

– Ха! Я знаю о ком она говорит. Смотри, вон твой мужчина на пороге, – задорно воскликнул он, улыбаясь как мальчишка.

Нина кинула взгляд на вход в церковь, там стоял Алекс, друг детства, лучший друг ее брата, в светлом костюме, и как всегда выглядел просто неотразимо.

В Алексее было все, о чем только может мечтать женщина. Он был красивым, обаятельным, умным, занимался недвижимостью, имел свой бизнес в Сан-Франциско. Здесь у него был

прекрасный дом, он любил дорогие вещи и мог себе их позволить. Тео как-то намекнул, что был бы совсем не против, если бы у них что-то с Алексом получилось. Нина знала его с самого детства, и сейчас она подумала про себя: «Может это и правда он?» Они явно испытывали симпатию друг к другу, им было хорошо вместе, комфортно, фактически, они понимали друг друга с полуслова, но поскольку все время были заняты работой, их отношения дальше дружбы не продвинулись. Один раз в месяц или два они ужинали в ресторане, прекрасно проводили время, он изредка приглашал ее на вечеринки или выходы в свет, когда она могла составить ему компанию и не засиживалась допоздна на работе, и на этом все.

Алекс, заметив их, махнул рукой, потом приветствовал объятиями Тео.

– Рад тебя видеть, привет друг! – И повернулся к Нине, поцеловав ее в щеку. Он предложил ей руку, и они вошли в церковь, по дороге кивая и обмениваясь приветствиями со знакомыми.

Служба была долгой и тихой, многие жители хотели выступить и сказать пару слов о Дэне. За свои 75 лет он оставил после себя хорошую память в этом городе. После песнопений и священника, выступал мэр города, вспоминая, как Дэн его наставлял, когда он только вступил на пост. Выступали знакомые и друзья, многие. Также бабушка поделилась воспоминаниями, как они росли и вместе играли еще детьми. Выступил Алекс с речью, сказав насколько помог ему Дэн, когда он никак не мог определиться с выбором специализации в институте. Тео рассказывал, как у него появилась идея создать ресторанный бизнес, и первый человек, который поддержал его, конечно, был Дэн. Нина тоже поведала историю, что, когда она была подростком, Дэн привил ей любовь к винограду и научил ее всему, что сам знал о вине.

После окончания службы, все стали выходить из церкви, Нина обратила внимание на огромное количество людей, некоторых она почти не знала. Особенно ей бросился в глаза высокий черноволосый парень в темном костюме, кого-то смутно напоминающий, но она не могла вспомнить кого именно. Когда он поравнялся с ними, он приветствовал Алекса, пожав ему руки.

– Надеюсь увидеть тебя на открытии отеля и казино в среду на Норрборм-роуд, – тихо произнес он, заинтересованно взглянув на Нину.

– Да, я обязательно приду, Марко. Познакомься это Нина Брукс. Нина, а это Марко Марчони, он и его брат построили отель с бунгало и казино высшего класса. Открытие будет в среду.

– Буду рад, увидеть вас тоже, – произнес Марко, слегка улыбаясь, всем своим видом осознавая какой статус он имеет в обществе. Вся его внешность кричала о приличных деньгах, а также о самоуверенности.

– Спасибо, – произнесла она.

Он развернулся и стал пробираться на выход, за ним неотступно следовали еще двое мужчин, не похожих на телохранителей.

Алекс подхватил ее под руку и медленно стал двигаться на выход вместе со всей толпой.

– Поехали со мной, – предложил он. – Я купил кабриолет шевроле, хочу тебе показать.

– Но я привезла бабушку.

– Тео отвезет ее на твоей машине. Эй, – они остановились у выхода, поджидая Тео с бабушкой, которые о чем-то беседовали вполголоса. – Тео, отвезешь бабушку, я хочу прокатить Нину на своей новой машине?

– Да, давай, – ответил Тео, забирая у Нины ключи.

Они медленно, среди толпы, стали спускаться по ступенькам церкви, Алекс последовал с ними на парковку.

Машина была красивой, белой с откидным верхом. Они забрались внутрь, и он включил передачу. Автомобиль мягко двинулся вперед. Ехать было недолго, минут 15, но из-за количе-

ства машин, направляющихся в ту же сторону, они прибыли на место через полчаса. По дороге Алекс расспрашивал ее о Дэне, когда последний раз она его видела, о винограднике, как пережила смерть своего лучшего друга Мона, потом Нина спросила:

– Ты видел его отель и бунгало?

– Да, он возил меня туда, потом я помог ему выбрать место. Он, действительно, его преобразил, создал там искусственный пруд, не говоря о том, что там имеются немного в стороне бунгало класса люкс, это уже постарался его брат.

– Брат?! – переспросила Нина.

– Старший, Антонио. Он предпочитает, если вкладывать, то по-крупному, если строить или что-то делать то, только высшего класса. Крупная рыба. Не привык плавать на мелководье, ему нужна глубина и размах.

– Хм! Ты знаком с ним?

– Я знаком с двумя братьями – Антонио и Марко.

– А сколько их всего?

– Трое и одна сестра.

– Если он привык к размаху, то странно, что он... – она осеклась, задумавшись, придерживая шляпку и повернув голову в сторону. Они свернули с главной зеленой улицы, медленно двигаясь в сторону кладбища, проезжая мимо магазинов, кафе, ресторанов и шоп-вейн, от известных виноделен, где можно было не только купить, но и попробовать вино. Менеджеры, которые работали там, разыгрывали настоящее шоу представление для посетителей.

– Ты пойдешь со мной на открытие отеля? – спросил Алекс, по-доброму улыбаясь.

– Ну, не знаю... я...

– Нина, тебе обязательно стоит пойти. Ты забыла уже, когда в последний раз выходила куда-то. Сейчас ты в отпуске, самое время прекрасно провести время.

– Да, согласна, я мало выхожу в люди, но меня это почти не интересует, я не сторонница вечеринок, ты же знаешь?

– Я прошу тебя подумать, не отказывайся сразу, – произнес он, кладя руку ей на колено, Нина тут же опустила глаза.

– Я подумаю, обещаю.

– Вот и отлично, – довольно выдохнул он, но руки не убрал.

Потом они долго шли по ухоженным дорожкам кладбища к месту захоронения, издали завидев собравшуюся толпу. Вся процедура заняла около получаса, Нина рассматривала присутствующих, поймав себя на мысли, что пытается отыскать глазами Марко, но его здесь не было. Гроб опустили в землю, забросали землей и сверху положили квадраты травы. Люди стали расходиться, многие подходили к ним, произнося слова соболезнования, все знали, что Дэн был для них членом семьи. Похоронили его рядом с мужем Моны Дэвидом – два друга опять встретились.

У могилы остались только Нина, бабушка, которая встала на колени, опираясь на посох и поправляя цветы, она что-то тихо говорила, сначала одному, потом другому – своим любимым мужчинам.

– Я все никак не могу привыкнуть, что его не будет с нами, – произнес Тео, стоя рядом с Ниной и Алексом. – Я виделся с ним на той неделе, когда договаривался о поставке вина из винодельни в ресторан.

Они стояли в тишине, наблюдая за бабушкой, Нина смахнула вдруг появившиеся слезы, Алекс тут же обнял ее за плечи, и она положила голову ему на плечо.

Мона через какое-то время обернулась к ним и кивнула, парни помогли ей подняться, и они, все медленно направились к выходу, договорившись, что она с Ниной поедет к поверен-

ному Дэна, а Тео заглянет в свой ресторан и будет ждать их в бабушкином коттедже у виноградника. Они решили там провести сегодняшний вечер.

4

Офис Тома Рендорфа находился на Майн-стрит, и был таким же старым, как и он сам. Обычная, ничем не примечательная дверь, среди пристроенных бок о бок зданий, с вывеской – «Рендорф – адвокат, юридические услуги», хотя насколько помнила Нина его офис находился здесь уже более 50 лет. Открыв дверь, можно было подняться по мраморной лестнице наверх, где в небольшом фойе за столом сидела ассистентка Эллен, молодая женщина, лет 30, с коротко подстриженной копной светлых волос, которая сменила свою мать на этом посту, когда старшей Эллен стало за 70, и она захотела отдохнуть и посвятить свою жизнь внукам. Обстановка вокруг, казалось, совсем не изменилась за это время, все тот же персидский потертый ковер посередине комнаты, такие же потертые кожаные кресла и диван у стены, напротив старинного из красного дерева стола ассистентки с изогнутыми ножками, где сбоку на тумбочке несколько странно смотрелся телефонный аппарат, компьютер и принтер. Но Эллен, казалось, совершенно не обращала внимание на эту удручающую, вековую обстановку, потому что, поднявшись приветливо улыбнулась и произнесла:

– Мистер Том Рендорф ждет вас, – и направилась к дубовой резной двери с левой стороны.

Распахнув которую, она сообщила о клиентах и вышла, пропуская Мону и Нину в кабинет поверенного.

Кабинет старшего мистера Т.Рендорфа выглядел не лучше, хотя был довольно просторным, две стены напротив окна занимали книжные стеллажи из красного дерева до потолка, заставленные томами по юриспруденции, а также рамками с фотографиями в разный период его жизни с известными людьми, дела которых Том вел за время своей карьеры. Старший Том Рендорф отличался педантичностью к букве закона, наверное, поэтому он пользовался популярностью, и тридцать лет назад его избрали членом Коллегии адвокатов, кроме того он имел множество званий – «Лучший адвокат года», «Самый запутанный выигранный процесс» и т.д. и т.п. Стена рядом с окном была увешана его дипломами и званиями, присужденными за более, чем 50-летнюю карьеру. Несмотря на свой не молодой возраст Рендорф-старший до сих пор отличался живостью ума, прекрасной памятью, а также профессионализмом ведения процессов и дел, его сын пошел по его стопам, занимая правую половину офиса, кабинет намного меньше, не такой старый, более современный, занимаясь там адвокатурой, как когда-то сам Том сидел в том кабинете, напротив кабинета своего отца. Поколение Рендорфов отличалось своей преемственностью, оттачивая мастерство в юриспруденции от деда к отцу и от отца к сыну.

Как только Мона и Нина появились на пороге его кабинета, он тут же поднялся из-за стола, поправляя галстук, видно сказывалась привычка.

– Рад вас видеть, дамы, – произнес он. Эллен по-прежнему маячила в дверях, поэтому он поинтересовался: – Не желаете кофе, холодный чай или может бокал прекрасно охлажденного пино нуар... из винодельни Дэна?

Бабушка уверенно прошествовала к его столу, опираясь на свой посох, позвякивающего колокольчиками, устало опустившись в одно из массивных кожаных кресел между кофейным столиком из красного дерева, Нина села в кресло напротив.

– Я не откажусь от пино нуар... тем более, от вина Дэна, – ответила Мона, опираясь на посох перед собой.

– Я бы выпила кофе, если это возможно, – ответила Нина, повернув голову в сторону Эллен и при этом улыбнувшись. Женщина тут же кивнула, готовая броситься исполнять желание клиентов.

Но бабушка произнесла:

– Я советовала бы тебе тоже выпить немного охлажденного пино нуар Дэна, уверяю это вино тебе очень понравится.

Нина не успела ничего ответить, как Эллен сказала:

– Я все принесу, а вы сами решите, попробуете его или нет, – и тихо закрыла за собой дверь.

– Очень приятная молодая женщина, такая же как и ее мать, – заметила бабушка.

Том Рендорф утвердительно кивнул.

– Да, Бог благоволит к нам, посылая нам таких ассистенток уже второе поколение.

Нина откинулась на спинку кресла, в котором почувствовала себя слишком комфортно, ей даже захотелось скинуть туфли, словно она оказалась дома. И пока Мона с Томом вели светскую беседу, ожидая напитков, она задумчиво стала рассматривать кабинет поверенного.

В офисе, в котором все ненароком говорило о власти и уверенности, были две современные вещи – кондиционер, висевший над дверью и ноутбук MAC, стоящий на массивном из красного дерева столе, наверное, произведенного в начало века, покрытого зеленым сукном, почти совершенно пустым за исключением папки с дорогой перьевой ручкой с золотым пером, лежащей перед юристом на зеленом прямоугольнике из кожи. Также на столе стояло пресс-папье из металла с гравировкой, и лампа, которую можно найти только в антикварном магазине, но главная достопримечательность стола была – золотая фигурка богини правосудия с завязанными глазами, с весами в руке, которые при прикосновении перевешивались в ту или иную сторону. Рендорф-старший так и не смог приспособиться к шариковым ручкам (хотя прекрасно приспособился к новшествам – компьютеру), которые ему бесконечно дарили, он предпочитал только перьевую, говоря, что если он ставит свою подпись, которая считается на вес золота во многих юридических документах, то и подпись должна быть исполнена золотым пером.

Нина так расслабилась в кресле, что даже не заметила, как появилась Эллен с подносом, заполненным бокалами, чашкой с кофе и прозрачным стаканом с холодным чаем. Как только она вышла за дверь, выставив все на кофейный столик, поставив также сахарницу, молочник и маленькую вазочку с клубникой, Том откашлялся и водрузил очки в тонкой оправе на нос.

– Дамы, думаю, мы можем приступить, – произнес он, делая маленький глоток вина из бокала, бабушка тем временем пригубила свой. – Я являюсь поверенным Дэна Сандерса больше пятидесяти лет, и в связи с этим хотел бы огласить его завещание. – Том открыл папку, быстро взглянув на страницу, произнес: – Все движимое и недвижимое имущество, если кратко, перепись со всеми характеристиками, я предоставлю отдельно, он завещает тебе, Мона, включая виноградник общей площадью 55 га или 550 тыс. м², склад 400 м², завод по производству винодельческой продукции 600 м², магазин при заводе вместе с маленьким музеем, а также собственный коттедж, который находится у виноградника в районе Сонома Валли, общей площадью 295 м² с тремя спальнями и четырьмя ванными комнатами, с отдельной беседкой, бассейном и небольшой оливкой и персиковой рощей, а также машину – пикап Chevrolet Colorado 2004 г выпуска. Свой шоу-вайн в городе Сонома на Паттен-стрит он завещает Тео. Соответственно, счета в банке – на одном 300 долларов, на другом 250 тысяч, он тоже завещает тебе, Мона.

Он положил скрещенные руки на открытую папку и замолчал.

Бабушка, пока Том перечислял, замерла с бокалом в руке. В комнате повисла тишина, было слышно еле уловимый звук работающего кондиционера.

– У тебя есть какие-то вопросы, Мона? – спросил тихо мистер Рендорф.

Бабушка, наконец, пришла в себя, залпом выпила вино, поставив бокал на столик.

– Нет. Все предельно ясно.

– Хорошо, тогда я подготовил документы, о вступлении тебя в права наследования, которые ты должна подписать.

Он перевернул несколько страниц и достал стопку бумаг, протянув их бабушке.

– Вот, прочти.

– Я не могу, не взяла с собой очки.

– Тогда тебе нужно будет зайти ко мне в следующий раз, чтобы их прочитать и подписать.

– Я могу подписать и так. Том, ты же не только поверенный Дэна... был, то есть, ... но и мой тоже. Я тебе полностью доверяю.

– Хорошо, тогда подписывай три экземпляра, один остается у нас в конторе и подшивается, второй передается тебе на руки, третий я должен передать в муниципальный совет, чтобы они перерегистрировали собственность на твое имя. Чтобы ты не переживала, что документы в порядке, сначала я поставлю свою подпись, как юрист, подтверждая истинность вступления тебя в наследство. Ты должна будешь через два дня зайти в муниципалитет и заплатить пошлину за все это имущество.

– Хорошо, согласна.

Том размашисто стал подписывать каждую страницу, промокая листы пресс-папье.

Бабушка потянулась к полному бокалу пино нуар, к которому Нина так и не притронулась, она же наслаждалась очень вкусным, свежеприготовленным кофе, отметив про себя, что при выходе нужно будет не забыть обязательно поблагодарить Эллен.

Закончив подписывать Том положил перед бабушкой стопку бумаг и протянул ей свою ручку. Она поставила бокал на кофейный столик и встала. Взяла его тяжелую ручку с золотым пером и стала ставить витиеватую маленькую подпись, поверенный каждый раз промокал пресс-папье лист, прежде чем его перевернуть и перейти к следующему.

Когда она закончила, он достал из ящика стола папку и положил один экземпляр документов, которую передал бабушке, остальные экземпляры, выровняв страницы, положил к себе в папку.

– Поздравляю тебя, Мона, я полностью согласен с решением Дэна, о чем не примянул ему тогда сообщить. – Он поправил очки на носу. – О лучшей хозяйке его имущества нельзя и мечтать... особенно для винодельни и виноградника.

– Ох, Том, это такое большое хозяйство, – вздохнула бабушка.

– Ничего, справишься, я в этом даже не сомневаюсь, – едва улыбнувшись ответил он, – в конце концов, у тебя есть Тео, Нина и Николь. Тео насколько я знаю неплохо разбирается в вине, ты, Нина, по-моему, тоже?

– Да, меня в свое время всему научил Дэн, спасибо ему за это, – ответила она, поставив пустую кофейную чашку на столик.

– Думаю, нам стоит отметить это событие и как бы хорошим словом вспомнить Дэна. Ты не надумала выпить вина? – Обратился он к Нине. – Моне гляжу вино очень понравилось.

Нина не поняла, как это произошло, но на пороге, словно по волшебству, появилась Эллен с подносом и тремя бокалами, два из которых она поставила на кофейный столик перед ними, один на специальной круглой подставке на стол перед Томом, потом забрав пустые бокалы и кофейную чашку, она, также не говоря ни слова, удалилась, мило улыбаясь.

Все трое взяли бокалы.

– Ну, что же, мне жалко, что ушел такой замечательный человек, как Дэн, но главное, что его дело, я имею в виду виноградник, будет находиться в надежных руках. – Женщины кивнули и пригубили вино, бабушка от третьего бокала покраснела, поэтому поставила бокал на кофейный столик и стала есть клубнику.

– Мистер Рендорф, вы сказали, что Дэн передает Моне 25 гектар виноградника, точно ли есть дарственная на те 5 гектар, которые он подарил ей и бабушке в качестве свадебного подарка больше пятидесяти лет назад?

– Да, думаю, что есть. Судя по всему, ее еще делал мой отец. Почему ты спрашиваешь? У вас какие-то проблемы с этой долей?

Нина опустила глаза в бокал, вздохнув, наконец, произнесла, посмотрев в увеличенные глаза от очков поверенного.

– Дело в том, что к винограднику Дэна проявляет интерес мистер Морчиони, и он почему-то уверен, что площадь этого виноградника составляет 60 га.

– Хм, странно, – произнес Том, снимая очки и потирая переносицу. – Я могу поискать дарственную, думаю, что у нас в архивах она точно должна быть. Если мистер Морчиони получил эти сведения из муниципалитета нашего города, то можно найти объяснение, после пожара государственного здания в 1955 г. многие документы сгорели. Ты же знаешь, что здание было отстроено вновь?

– Да, я просто хотела уточнить.

– Отлично, я постараюсь найти эту дарственную, – он сделал глоток вина. – И еще кое-что, Мона, Дэн написал тебе письмо, которое попросил передать после его смерти. – Он стал рыться в папке и выудил темный запечатанный конверт. – Вот, возьми.

Бабушка забрала конверт, положив его к себе на колени.

– И раз мы уже заговорили о мистере Марчиони, то буквально, – поверенный взглянул на часы на руке, – через сорок минут у меня назначена с ним встреча. Он был очень настойчив, добиваясь встречи со мной, хотя тогда я не мог понять по какому вопросу, но сейчас все встает на свои места.

– Ха! – воскликнула Нина, – Антонио Марчиони уверен на все сто процентов, что все имущество Дэна пойдет с молотка, поскольку у него нет наследников.

Нина представила выражение лица этого самодовольного и самоуверенного мужчины, когда мистер Рендорф, поверенный сообщит ему новость о наследстве. Она так и видела, насколько он разозлится, как будут ходить желваки на его скулах, отчего невольно улыбнулась. В этом мужчине было что-то магически притягательное, он словно удав засасывал свою жертву, и столько же отталкивающее – его сверхвысокое эго и высокомерие. «Одним словом, единица ничего не скажешь, причем в негативном своем проявлении», – решила Нина. От мыслей ее отвлек монотонный голос Тома.

– Нет. Я встречаюсь с Марко Марчиони, именно он настаивал на встрече, – он еще раз пригубил вино. – А насчет наследников, за столько лет моей адвокатской практики, могу сказать одно – никогда не нужно быть столь уверенным в данном вопросе. Столько было случаев, когда объявлялись наследники, о которых никто не знал... или делались вот такие дарственные. – Нина вопросительно приподняла бровь. – Я имею в виду, не родственникам.

Бабушка, сделала глоток вина и сказала:

– Я не собираюсь продавать виноградник ни свой, ни Дэна, так и скажи этому мистеру Марчиони, Том, если он вдруг спросит.

– Конечно, Мона, я рад это слышать, Дэн бы расстроился, если бы ты решила иначе.

– Дэн за столько лет довольно хорошо меня изучил. Он прекрасно знал, что мне чужого не надо, но за свое я тоже буду стоять до конца. Вот так-то. Тем более, если дело касается Марчиони, – бабушка раскраснелась еще больше.

Нина с удивлением смотрела на нее, собираясь уже поинтересоваться причиной, из-за которой она их так не любит, но ее опередил мистер Рендорф.

– Я так понимаю, они тебе не нравятся?

– Почему?! – тут же воскликнула бабушка. – Я с ними не встречалась, наверное, люди они не плохие, желательно, чтобы они поняли, что ситуация изменилась, и они немного простились. И на этом поставили точку.

– Думаю, что именно так все и будет, Мона, иначе бы они не сколотили настолько огромное состояние, причем заметь, – он поднял указательный палец, – у них довольно хорошая репутация в ведении бизнеса. Проигрывать тоже нужно уметь.

– Надеюсь, что они все поймут, – бабушка поднялась, опираясь на палку, Нина поставила пустой бокал и тоже встала. За ней поднялся и Том из-за стола. – Спасибо тебе, Том, за все, ты столько лет ведешь наши дела, не буду тебя больше задерживать. Долгих лет тебе жизни, – и бабушка стукнула своим посохом по полу. – Пусть свершатся мои слова.

Том, зная ее манеру общения, только лишь улыбался.

– Рад был тебя увидеть, ты, как всегда, прекрасно выглядишь, – произнес он.

– Ты забыл добавить..., – поверенный удивленно посмотрел на нее, – на свои 75. Я прекрасно выгляжу на свои 75, – со смехом повторила она.

Нина подумала, что бабушка явно немного перебрала с пино нуар, потому что в ней проснулось кокетство. Но потом Мона шустро развернулась и направилась к двери, на ходу произнеся:

– Не забудь про дарственную на пять гектаров, я позвоню тебе на неделе, хорошо?

– Хорошо, Мона, всегда буду рад тебя услышать, и миссис Рендорф тоже, ты давно к нам не приходила на чай.

– Ты же знаешь, что я предпочитаю пино нуар или шардоне, – ответила бабушка, обращаясь у двери. – А с Софией, твоей женой, мы встретимся на этой неделе, на собрании женского комитета, и вам стоит приехать ко мне на следующей неделе в выходные в коттедж Дэна... отдохнуть от города, – и все это высказав, она открыла дверь и вышла.

Нина поблагодарила мистера Рендорфа, пожав ему руку, и тоже вместе с ним направилась на выход, оказавшись в приемной, она остановилась перед столом Эллен, перебросившись с ней парой фраз, пока бабушка и Том о чем-то тихо переговаривались. Нина не забыла поблагодарить потрясающую ассистентку за столь отменный сваренный кофе, отчего та заулыбалась, буквально расцвела, еще больше.

По дороге в Сонома Вэллей, где находился виноградник Дэна и бабушки, Мона хранила молчание. Нина изредка поглядывала на нее, но в основном смотрела на дорогу.

– Мы столкнулись с этим Марко Марчиони в церкви, он был на службе, – наконец, произнесла она, отрывая бабушку от своих мыслей. – Мне показался он лучше, чем его брат. Он пригласил меня с Алексом на открытие их отеля с казино в среду.

Нина тут же обратила внимание, как у Моны загорелись глаза.

– Да?! Как интересно. Ты пойдешь?

– Я еще не решила, мне не очень хочется сталкиваться с этой семьей, – помолчав, она добавила, – они мне не нравятся.

– Кто именно из них? – оживленно поинтересовалась Мона.

– Старший... Антонио Марчиони.

Бабушка задумалась, молчала пару минут, потом произнесла:

– Точно, так и должно быть...

Нина опять непонимающе посмотрела на нее, спросив:

– Что именно?

– И полетят копы и искры, – пробормотала Мона.

Нина засмеялась.

– Ба, ты говоришь, какими-то загадками, я тебя не понимаю, – она аккуратно вписалась в поворот, выезжая на прямой отрезок трассы. – Копья согласна, насчет искр. Хм! Хоть бы одна пролетела.

– Всему свое время, Санни, всему свое время, – задумчиво произнесла бабушка. Потом, видно, решила переменить тему. – Ты обязательно должна сходить с Алексом на эту вечеринку. В конце концов, должна хоть изредка, но выбираться в свет, а не посвящать всю свою жизнь только работе, тем более, что сейчас ты в отпуске.

– Ба, если бы дело касалось кого-то другого, я бы пошла. У меня такое чувство, что эта семья скоро скупит весь город.

– Да, они решили фундаментально здесь основаться, собираются еще построить коттеджный поселок для коммуны у реки Сонома-Крик и какой-то поселок или фешенебельные бунгало у Сонома-Виста. Мы обсуждали это на собрании женского комитета.

– Вот видишь! – воскликнула Нина. – Они распространяют свои щупальцы повсюду.

– Тем более ты должна пойти, если ты так настроена против них – врагов нужно знать в лицо. Может побеседовав с этим... Как его зовут? – спросила бабушка.

– Антонио, – ответила она, не отводя глаз от дороги.

– А разве не Марко устраивает эту вечеринку? Ты же говорила, что он пригласил тебя, – удивленно спросила бабушка.

– Да, Марко или они оба. Не вдавалась в подробности.

– Иди обязательно, общаясь с людьми можно многое о них узнать.

Нина ничего не ответила, с трудом представляя на какие темы она может общаться с Марко, как лучше купить или продать недвижимость, что ли?

Потом она бросила косой взгляд на бабушку, которая смотрела прямо перед собой, загадочно улыбаясь. И Нина отлично знала эту улыбку еще с детства – бабушка что-то обдумывала, что-то замышляла.

– Ба, я прекрасно знаю этот твой взгляд. Только не вздумай меня ни с кем из парней сводить...

– Что ты, – Мона махнула рукой, отчего браслеты тут же звякнули, – даже и в мыслях нет такого. Твой уже стоит на пороге, вот-вот переступит его.

Нина решила промолчать, еще больше задумавшись. «Переступит порог?! Интересно! Может это, правда, Алекс. Все-таки мне стоит к нему приглядеться повнимательней и может уже, действительно, пора задуматься о замужестве. Ведь, как не крути года не убывают, а только прибавляются. Мне и так уже 34 года. Пора обзаводиться семьей, детьми». И с этими умозаключениями она молча вела машину оставшиеся пятнадцать минут.

Бабушка тоже, похоже, была погружена в свои мысли, потому что ничего не говорила, изредка поглаживая пальцами конверт Дэна, лежащий у нее на коленях.

5

Сидя в элитном ресторане «Палас Хотел», рядом с деловым центром Сан-Франциско, где столики нужно было бронировать за два месяца, сын и отец Марчиони, как владельцы этого пафосного отеля, расположились в специально зарезервированной для них кабинке, подальше от глаз клиентов. Еда здесь всегда была настолько великолепной, что невозможно было оторваться, благодаря шеф-повару французу, которого Антонио все же удалось переманить к себе. Отель славился китайской, французской, итальянской и арабской кухней, представленной здесь в различных залах. Столики были из красного дерева, без скатертей, в декоре присутствовал шик – золотая лепнина, каскадные витиеватые люстры в стиле ампир. Было много золота, много дерева, украшений и дорогой мебели, всего было много, в переизбытке, показывая богатство и стиль.

– Марко, – произнес Антонио поднося мобильный телефон к уху. – Тебя можно поздравить с отличными новостями? – Он положил вилку и улыбаясь посмотрел на сидевшего напротив отца.

– К сожалению, нет, – ответил Марко.

Антонио нахмурился.

– Не понимаю в чем проблема?

– Было оглашено завещание Дэна Сандерса. Все переходит к его подруге детства.

– Что еще за подруга детства?!

– Миссис Мона, одного с ним возраста, они знакомы с трех лет, – произнес Марко на том конце провода.

– Черт. – Антонио помолчал. – Странное имя Мона. Ладно, я сам разберусь. Мне придется приехать в Соному. Найди мне все, что сможешь на эту подругу детства и на Дэна Сандерса, – он отключился, взглянув на отца.

– У нас небольшие проблемы, – пожилой мужчина, сидевший напротив, нахмурился, утвердительно кивнув, продолжая есть стейк.

Антонио сделал глоток вина.

– Странное имя Мона, ты не находишь?

Отец внимательно посмотрел на сына, медленно положив нож и вилку, взял бокал.

– Я бы сказал редкое... не часто встречается.

Вокруг Луиджи Марчиони до сих пор, несмотря на его возраст, ему было к шестидесяти, чувствовалась аура власти и уверенности. Он был таким же высоким, как и его старший сын, поджарым. Заметив их вместе, можно было точно сказать, что они родственники, и глядя на Антонио представить каким был Луиджи Марчиони в молодости. Он двигался неторопливо, все его движения были как бы замедленными, плавными, как у вальяжной пантеры, развалившейся на ветке дерева и лениво наблюдающей за всем сверху. И все, что она видела внизу, мало ее впечатляло и заботило. Она точно знала, что всегда получит свое.

Его такие же черные волосы, как и у сына, сейчас были припорошены сединой, на смуглом лице залегли редкие морщины, в глазах изредка проскальзывала еле заметная грусть, но в основном, он смотрел пристально, как бы беря твою душу.

Луиджи Марчиони сколотил империю, которой не было равных, начиная не с нуля, а используя деньги семьи, приумножив их в тысячи раз. Он до сих пор не отошел от дел, правда, большую часть своего бизнеса передал старшему сыну и Марко, самый младший из его сыновей – Паоло, особо его не радовал, отказавшись заниматься каким-либо бизнесом, доставляя уйму хлопот, пытаясь найти себя хоть в чем-то, хотя до сих пор не понял в чем именно, пробуя себя в разных профессиях, ведя при этом разгульный образ жизни, благо средства позволяли.

Сейчас, наконец, передав свое наследие в нужные руки, Луиджи мог спокойно заняться тем, к чему его всегда тянуло – виноградникам и виноделию. Ему нравилось прогуливаться вдоль высаженных виноградных лоз, чувствовать еле уловимый запах земли, смешанный с ароматом винограда и листвой. Нравилось наблюдать, как созревают гроздья, вбирая в себя солнце. Нравилось чувствовать аромат первого собранного вина, крутя бокал в руке, когда вино раскрывалось всеми нотами, и он смотрел на просвет, как играет его насыщенный рубиновый цвет на солнце.

Луиджи называл это своим хобби, о котором мечтал всю жизнь. Нельзя сказать, что его семья не владела виноградниками – владела и еще какими – на юге Италии и в Испании, но в данный период времени они решили обосноваться в Сономе, потому что к винодельням можно было от Сан-Франциско добраться на машине всего за час. Они пытались благоустроить этот город, и то, что было с ним связано, конечно, прикупив помимо строящихся отелей и виноградные области.

Вино Сономы было удивительным, имея вкус солнца и, естественно, мистической «Лунной долины», как ее называли индейцы. Оно было таинственным и неповторимым – с одной стороны; с другой, таило в себе загадку, до конца, так и не раскрывая все свои ноты, как любимая женщина.

Луиджи, вздохнув аромат вина, задумчиво произнес:

– Я бы сказал редчайшее имя... думаю, что сама по себе женщина столь же удивительна.

Антонио приподнял вопросительно бровь.

– Мне кажется, тебе стоит с ней познакомиться, что ты думаешь по этому поводу? – спросил отец, изучая выражение лица сына.

– Мне придется, однозначно, – ответил Антонио, кладя, подцепленную лазанью на вилке, в рот.

– Я рад это слышать..., – отец отодвинул не совсем пустую тарелку. – Кстати о женщинах, – добавил он, отставляя бокал, в который моментально, словно появившийся из ниоткуда официант, долил красное вино «Гейзервиль» 2013 г. выпуска 1000\$ за бутылку.

– Когда ты собираешься, наконец, остепениться? – спросил он, положив морщинистые с еле заметными пигментными пятнами руки на стол. – Я устал ждать...

– Папа, прошу тебя, не начинай! – ответил Антонио, потянувшись к бокалу с вином. – Мы это уже проходили.

– Твой неудачный бывший брак, не причина... оставаться монахом.

– Ну, до монаха мне довольно-таки далеко... ты прекрасно знаешь, что я наоборот страдаю от избытка женского внимания.

– Да, всегда так было и всегда так будет – бабочки будут слетаться на мед. Но тебе давно уже пора найти достойную себя женщину, которая не будет тут же падать к твоим ногам от твоего статуса и красоты, она постарается найти и раскрыть в тебе такие грани, о которых ты даже не подозреваешь, и ты будешь поражен, обнаружив их в себе. Такое способна сделать не каждая и только по любви.

– О, Боже мой! Отец, – произнес Марчиони-младший, – умоляю, только не приплетай сюда маму. Такая, как она была единственная, ты сам мне это ни один раз говорил. Больше такой нет... просто нет, они вымерли вместе с мамонтами.

Луиджи издал мимолетный смешок.

– Такие женщины существовали всегда, просто они большая редкость и их нужно найти... самому. Как правило, твой тип им совсем не нравится...

Антонио оторвался от последнего куска лазаньи, подняв голову.

– Ты хочешь сказать, что мама с самого начала не была в тебя влюблена.

Отец издал смех, напоминающий кудахтанье, и взмахнул руками.

– Конечно, нет, она терпеть меня не могла... считала самовлюбленным ублюдком. Но я все же решил добиться ее благосклонности, и... – он замолчал, его взгляд затуманился, словно отец погрузился в те далекие воспоминания, – не заметил сам, как стал совсем другим... я не мог и дня без нее прожить. Она оказалась полностью моей, той, необходимой дополняющей, словно до нее, меня было всего лишь половина, она придавала мне силы, заставляя встречать каждый новый день, мне хотелось что-то совершать ради нее... что-то такое, чтобы она еще больше гордилась мной... еще больше. Да, мне хотелось завоевывать этот мир, приподнести его к ее ногам, хотя она не просила и не говорила мне об этом. Ей было хорошо со мной... спокойно, понимаешь, сын? Ты должен найти женщину, с которой бы тебе было хорошо каждый божий день, ради которой ты хотел бы нестись домой, хотелось бы перевернуть этот мир вверх тормашками, хотя она ни разу бы не намекнула тебе об этом.

Антонио зачарованно, хотя его невозможно было уже давно чем-то удивить, как и Луиджи, смотрел на своего отца, удивляясь и восхищаясь впервые произнесенной столь пламенной речью.

– Боюсь не оправдать твоих ожиданий, папа. Думаю, что таких женщин больше нет, – произнес он, беря бокал с водой. – Ты и мама были просто единственными... Сейчас немного другое время и другие люди.

– Во все века, сынок, люди были другими. Людской род не особо-то и изменился за все эти столетия... также, как и само чувство.

– Отец, сейчас любовь, если ты ее имеешь в виду, стала более продажной, ложной... – он встретился со взглядом отца, – если можно так выразиться, одноразовой, как и все в этом мире.

– Ха-ха! Ну, что же оставайся в неведение и тешь себя этой иллюзией, – отец весело улыбался и в его глазах сверкали искры смеха.

И впервые сын смутился, у него было такое чувство, что отец знал нечто такое, что не знал он, тот ему не сказал, не открыл тайну. Антонио даже почувствовал себя маленьким мальчиком, как тогда в далеком детстве, когда отец учил его управлять бизнесом, задавая всякие каверзные вопросы, как бы он поступил в той или иной ситуации. И сейчас похоже, было тоже самое, он не мог понять, как ему быть и что он упустил, у него было такое чувство, будто он что-то проглядел, не увидел, не изучил и не понял. Но он не мог понять, что именно. Ведь с детства он так хорошо выучил урок – как управлять и вести бизнес. А в данный момент он попал на совершенно зыбкую почву, о которой ничего не знал, а Антонио не привык чувствовать себя не уверенно, не привык не знать то, с чем он имел дело. Но ощущение неуверенности быстро прошло, сменившись чем-то другим... он даже не мог понять, что это конкретно было, но вино почему-то стало горчить, последний кусок лазаньи оказался пересоленным, и кабинка в этом элитном ресторане была уже не столь уединенной, несмотря на приглушенный свет вокруг, ему показалось слишком броской золотая лепнина, слишком блестящий столик из красного дерева, короче ему показалось все как-то слишком...

Он прочистил горло и произнес:

– Ты же знаешь, что мой брак закончился неудачно... мы настолько не подходили друг другу, – попытался он оправдаться.

– Знаю, – твердо произнес отец, открыто глядя в глаза сыну, – но это было ясно с самого начала. Она тебе не подходила, хотя и была влюблена в тебя, как кошка.

– Хм! Да, не всегда хорошо, когда женщина влюблена, как кошка, – задумчиво произнес Антонио, пригубив вино. – Ты сам говорил...

– Ты что, до сих пор не можешь прийти в себя от своего брака? – перебил его отец.

Антонио откинулся на спинку мягкого, комфортного кресла, немного ослабив галстук.

– Нет, все уже давно в прошлом. Папа, на меня женщины, стоит мне куда-нибудь выйти, вещаются сами...

– Это правда, – согласился Луиджи, покручивая за ручку маленькую чашку с кофе. Они помолчали, каждый думая о своем, потом отец произнес: – Через два года тебе будет сорок, у меня в твоём возрасте уже были вы двое – ты и Марко. Что мешает тебе жениться и завести детей?

– Детей сейчас можно завести и так, не обязательно жениться... существует такое понятие, как суррогатное материнство, – резко ответил Антонио, потому что часто повторяющиеся разговоры, которые в последнее время с ним вел отец по поводу внуков, немного стали его нервировать и доставать. – Прости, я не хотел показаться резким.

Луиджи только лишь довольно улыбнулся, словно получил желаемое, уверенно заметив:

– Суррогатное материнство в нашей семье будет только через мой труп. Слава Деве Марии в мире существует полно достойных женщин, тебе пора уже раскрыть глаза и осмотреться по сторонам. Деньги не скрасят твоё одиночество в старости, уверяю тебя сынок, – в его глазах опять промелькнула грусть и даже тоска.

– Папа, давай оставим этот разговор. Я обещаю тебе подумать, хорошо? – он примирительно поднял ладони вверх, словно сдаваясь. – После того, как вернусь из Сономы и все там улажу.

– Отлично, – довольно произнес Луиджи, хлопнув ладонью по столу. Антонио, видя такую перемену в отце, подумал не начинает ли его отец страдать старческим маразмом в своем еще далеко не преклонном возрасте?

Оставшийся ужин прошел в тишине, каждый думал о своем. Когда они стали выходить из кабинки, отец произнес:

– Тебе нужно надавить на Паоло... пора уже взяться ему за ум. И передай ему, что я хочу его увидеть, пусть заедет к старику повидаться... а то я уже стал забывать, как он выглядит.

– Хорошо, отец, не волнуйся. Я заеду к нему сегодня, – вздохнув произнес Антонио. Господи, он так хотел оказаться у себя в пентхаусе, на верхнем этаже этой гостиницы, принять душ, может немного поработать, а скорее позвать Синтию, чтобы она удовлетворила его в сексуальном плане. Неделя была адской, он чертовски устал, да еще завтра ему придется тащиться в эту чертовую Соному и разбираться со всем этим дерьмом – наследством Сандерса. Будет у него хотя бы один день, когда он сможет ничего не утрясать, не разруливать, не решать, а просто пожить... пожить хотя бы один день в свое удовольствие.

Хорошо отцу спрашивать, когда он жениться? Для этого, по крайней мере, ему нужно просто время. Время встретиться и познакомиться, а самое главное, где познакомиться с такой женщиной, как была их мать.

Ему было 28, когда мама разбилась на машине. Он до сих пор помнил весь тот ужас и трагедию, через которую им пришлось пройти. Отец быстро сдал, в нем словно что-то угасло или умерло, он стал задумчивым, замкнутым, занимался бизнесом, но больше ничего. Никакой светской жизни, только последние три года Антонио удалось его вытаскивать в этот ресторан на ужины и то, только потому, что отель принадлежал их семье. Отец постарел сразу же лет на десять, взгляд стал грустным, иногда у Антонио пробежал холодок по позвоночнику, когда он видел его взгляд.

Сам он очень тосковал по матери, по ее смеху, жизнерадостности, открытости, честности, она всегда его понимала и поддерживала, она к каждому сыну имела свой подход, была полностью в курсе всех событий их жизни, ему часто казалось, что отец многого не знал про них, а мама знала всегда все, своим каким-то шестым чувством она знала, что сказать, как поддержать, а когда и отругать. Да, и именно о такой женщине рядом с собой он и мечтал, о такой. Искрящейся, жизнерадостной с потрясающим смехом, умной, талантливой, доброй, когда-то ласковой и рассерженной, в общем разной, многогранной. Она с отцом по характерам была как огонь и лед.

Отец был прав, он искал не там, вернее, он и не искал, поскольку вокруг него постоянно крутились женщины, разных возрастов, все ухоженные, глянцевого, как правило, блондинки, но были и шатенки. Он любил женщин, все они были высокие, стройные и подтянутые. Он всегда появлялся с разными, если ему нужно было выйти куда-то в свет на очередное мероприятие, стараясь часто не встречаться с одной и той же, чтобы не давать ей надежду на продолжение отношений. Урок с Клер он выучил очень хорошо.

6

Они познакомились на вручении премии «Человек года», она показалась ему интересной собеседницей – красивая, умная француженка, занималась историей искусств. Она была такой восторженной, по-детски восторженной, да, она произвела на него впечатление. После ужина они отправились к ней домой, секс был тягучим, медленным под блюз, который она включила и чьей большой поклонницей была. Секс, скорее напоминал, продирающие до костей звуки

саксофона, но, как оказалось, это было с ее стороны, с его же – просто секс. Она была ему просто интересна, как нечто удивительное и непохожее в его жизни. Да, у нее было прекрасное тело, ему нравилось ее целовать, нравилось трахать, но... на этом все.

Они не виделись две недели, он особо о ней не вспоминал и был несказанно удивлен, присутствуя на открытии выставки, которую спонсировал, увидев ее. Видно, сказалось напряжение на работе, нехватка личного времени, а может еще много чего, но он был рад встречи с ней. Она стояла среди собравшихся, явно выделяясь, отличаясь от других своей полу восточной внешностью и еще непосредственностью, наивностью, если можно так выразиться. Они отправились ужинать, потом все повторилось – секс под блюз. И в этот раз его устраивал этот ритм, этот темп, эта музыка, его устраивало все... Потом лежа в кровати она рассказывала ему интересные истории об известных художниках и скульптурах. Клер, явно была богемной женщиной, ей бы родиться в XIX веке.

Через полгода не частых, периодических встреч, которые он совершенно не воспринимал, как нечто особенное, появляясь на разных мероприятиях с другими женщинами, и с удовольствием пользуясь их услугами в сексуальном плане, Клер позвонила и попросила с ней встретиться, он хотел отказаться, но голос у нее звучал напряженно, даже плаксиво. Он пригласил ее на ужин в элитный ресторан, они только сделали заказ, она выглядела похудевшей и растерянной. И вдруг произнесла, что он обязан на ней жениться, потому что она беременна. Он даже сначала не понял, о чем она говорит. Антонио был уверен на все сто, что всегда использовал презерватив. Сцена была неприятной, он попытался выяснить, как такое могло случиться? Она стала плакать, привлекая к себе внимание соседних столиков. Ему совершенно не нужен был общественный скандал, он вот-вот должен был совершить выгодную сделку. И такого рода огласка, ему была не нужна. Потом он вдруг смутно припомнил, что последний раз, а это было месяца полтора или два назад, когда он окончательно решил закончить с ней (он даже не мог назвать это отношениями) презерватив порвался.

От его вопроса, она еще больше стала плакать, он взял ее под локоть и вывел из ресторана, направившись напрямик к ней домой. Они долго разговаривали, он задавал разные вопросы, она еще больше плакала, отвечая сквозь слезы. Она казалась такой испуганной, такой чистой, такой по-детски открытой, что Антонио в какой-то момент почувствовал себя настоящим ублюдком, но он все же выдвинул свои условия, пытаясь уговорить ее не заключать брак. Он пообещал составить контракт, назначить ей и ребенку очень-очень приличное содержание, сказал, что признает его и будет принимать участие в его жизни. Женитьба совершенно не входила в его планы, хотя с другой стороны, для него – итальянца – дети были святое, он не хотел бы, чтобы его ребенок рос без отца. Но она стояла на своем, ничего не желая слушать, еще больше рыдая, и в очередной раз, когда она заявила ему, что он ее совсем не любит, он выдохнул и сказал, что да, чувств к ней не испытывает. Она глубоко вздохнула и как маленький, упрямый ребенок заявила: «Ну и пусть! Но я хочу за тебя замуж», всхлипывая начала его умолять попробовать – дать им шанс. И Антонио (потом он не раз вспоминал этот момент, что на него нашло... скорее всего помутнее рассудка, другого объяснения у него не было) согласился жениться в ближайшее время, с заключением брачного контракта на его условиях. Клер, наконец, с трудом успокоилась, перестала плакать, согласившись на любые его условия.

Он сдержал свое обещание, объявив о помолвке на следующий день, а через полтора месяца (ему стоило целого состояния устроить пышную свадьбу за столь короткий срок, которую она так хотела, говоря, что замуж выходит один и единственный раз в своей жизни), но ему было наплевать на деньги, главное, что он сдержал обещание.

Он сдержал все свои обещания, данные ей, подумал Антонио, стоя перед огромным во всю стену окном пентхауса и рассматривая темный с мелькающими блестящими огнями, простирающийся внизу город у его ног.

Контракт он составил очень жесткий, сейчас это вызывало у него улыбку, он мысленно похвалил себя, вознес молитву Деве Марии и своим адвокатом, которые корпели над каждым пунктом. Поскольку он не испытывал особой любви и секс с Клер потерял из-за своей медлительности особую привлекательность для него, в брачном контракте появилось множество дополнительных пунктов, который она молча подписала. Он даже был не уверен, читала ли она их вообще, как настойчиво советовали ей ее адвокаты. Он вписал все, чтобы при случае она не могла обвинить его в измене, нет, конечно, приличия соблюдались, и на всех известных и знаковых мероприятиях, они, как пара присутствовали вместе, но остальное время, он проводил как считал нужным. Хотя в большей степени работал, засиживаясь допоздна, отправляясь на ночь в пентхаус в этом отеле, изредка появляясь в их доме, вернее в его доме. Именно во время брака с Клер он и зарезервировал этот номер здесь за собой.

Она была на седьмом небе от счастья, довольствуясь не частыми совместными вечерами, ластилась к нему, ворковала и мурлыкала, как кошка. Ему нравилось с ней беседовать, трахать, в конце концов, она была его женой (все также с презервативом, которые он как маньяк буквально изучал чуть ли не на просвет, одевая заранее в ванной комнате, хотя надобность в них уже отпала). Сам себе он так и не смог объяснить, почему каждый раз его рука тянулась к коробке с презервативами, наверное, интуиция. Клер была хорошей женой, нежной ласковой и готовая все сделать для него. Но он все равно ничего к ней не испытывал, ничего. Ему нравилось с ней беседовать, выходить на вечеринки, она обращала на себя мужское внимание, поскольку сильно поправилась, у нее появились округлые формы, и на удивление ему это нравилось. Нравилось, как она рассказывала, будучи, совершенно помешанной на искусстве, о какой-то выставке или картине, которую собирался купить музей. У нее загорались глаза, щеки пылали, она жестикулировала руками, подробно описывая все краски так, что Антонио уже отчетливо видел эту картину перед глазами. Но на этом все.

Такая, якобы идиллия, продлилась еще два месяца (медовый месяц они решили отложить до рождения ребенка), а потом на полтора года наступил настоящий ад. В один прекрасный день ему позвонил терапевт Клер, который слезно стал умолять его, как мужа повлиять на нее, чтобы она перестала принимать гормональные препараты, иначе врач боялся лишиться лицензии. Антонио сначала не понял в чем проблема, потом терапевт стал ему объяснять, что они имеют побочный эффект, вызывают у женщин все симптомы, как при беременности, хотя, на самом деле, это не так. И для него стало настоящим шоком, что у его жены нет пятимесячной беременности.

Дома разговор был не приятным, он еле сдерживался, будучи так зол, чтобы не придушить ее на месте. И когда он уличил ее во лжи, она, глядя на него совершенно чистыми, по-детски честными глазами, сказала: «Я так хотела за тебя замуж, ты бы никогда иначе на мне не женился.» Он даже не знал, что ответить, едва переведя дух, с трудом сдерживаясь, чтобы ее не ударить, но она начала плакать и просить у него прощения за свой обман, хотя все время твердила, только из благих побуждений, так как безумно любит его и не может себе представить без него жизни. Он с трудом ее успокоил, сказав, что они утром во всем разберутся. Утром Антонио заявил, что подает на развод, Клер заявила в ответ, что как только увидит документы о разводе покончит жизнь самоубийством, потому что без него жить не хочет. Он не мог взять на себя такой грех.

Антонио смотрел на нее во все глаза, не находя слов, потом она опять начала плакать. Он больше не мог выносить ее слез, схватил ее за руку и повел на прием к психиатру. Врач вынес заключение – психически здорова, но очень эмоциональная натура, обладающая маниакальной фобией влюбленности в своего мужа, посоветовал отправиться к психотерапевту, прописав какие-то успокоительные, которые она тут же тайком от него выбросила. Он пошел с ней к психотерапевту, который внимательно выслушал его, потом ее, сделав вывод, что сможет помочь. Антонио впервые за пару дней спокойно выдохнул, надеясь, что проблема как-то

разрешиться. Своим адвокатом сказал подождать по поводу начала бракоразводного процесса. Через несколько недель после посещения психотерапевта он заметил в ней перемены, Клер стала чаще писать ему смс-ки, звонить, он старался разговаривать с ней доброжелательно, хотя все время костерил себя на чем свет стоит, что оказался таким идиотом, согласившись на этот брак, пойдя у нее на поводу. Время шло, он все реже бывал дома, тогда она стала приходить к нему в офис, поджидать его на улице у здания, навещать его в пентхаус, стала приглашать его поужинать в ресторан. Он решил для себя, что они по-прежнему, чтобы ее как-то успокоить, будут посещать общественные мероприятия, поэтому они выходили в свет два-три раза в месяц.

Когда он спрашивал, как продвигаются дела с психотерапевтом, она мило улыбалась и говорила, что все отлично, он очень помогает. Она постоянно просила прощение и извинялась перед ним за свой обман, в какой-то момент, он уже не мог слушать ее извинений, поэтому резко обрубил, что это в прошлом и тема закрыта. Она всячески старалась проявить свою любовь к нему, выполняя любое его желание, слушая любое слово, буквально преследуя его на каждом шагу, и он ничего не мог поделать, так как она являлась его женой. Она создала женский уют в доме, начала даже покупать какие-то вещи для пентхауса, отчего он пришел в полный ужас. Она все время говорила ему как безумно его любит, и от слова «безумно» он стал уже вздрагивать, решив про себя – может она, действительно, на самом деле, безумна. Антонио пытался с ней поговорить насчет развода, но она ничего не желала слушать, заявляя, что вышла замуж первый и единственный раз.

Прошло еще три месяца. Он был на взводе и стал срывать на подчиненных в офисе, ужасно устав от ее постоянного присутствия с неисчерпаемой любовью. И, как и тогда, в один прекрасный день, ему позвонила психотерапевт, сказав, что его жена после того, первого раза, так и не пришла ни на одну консультацию, постоянно перенося дату приема. Антонио чуть ли не разбил телефон, ответив, что завтра она будет обязательно.

Он вызвал к себе адвокатов и велел подготовить бумаги на развод. Вечером, когда он пришел домой, положил перед ней бумаги, заявив или она проходит курс у психотерапевта, либо он пускает эти бумаги вход. Она опять заплакала и поклялась, что будет посещать консультации. На следующий день он привел ее за руку в кабинет, на остальные консультации он, пригрозил своему шоферу увольнением, если тот в назначенное время не будет ее доставлять к психотерапевту. Антонио надеялся, что на этого человека можно положиться, он знал его уже много лет.

Прошло еще три месяца. В очередной раз он сидел в доме отца в гостиной, тупо уставившись в бокал с виски, покручивая его на коленях.

Отец сидел напротив, пыхтя сигарой, он иногда позволял себе выкурить сигару с хорошим виски.

– Как идут дела с Клер? – разглядывая сына сквозь облако дыма, спросил он.

– Она ходит на консультации, сколько это продлится не знаю. – Он сделал большой глоток виски. – Ее заикленность на любви ко мне просто убивает, она измотала меня, – Антонио развязал галстук. – Я не знаю, что мне делать.

– Хм! – произнес отец, затягиваясь сигарой и пригубив виски. – Ты не можешь не знать. Ты управляешь многомиллиардной корпорацией, в твоём подчинении столько людей, ты ведешь бизнес и вступаешь в переговоры, добиваешься того, чего хочешь. И ты говоришь мне, что не знаешь?

– Она говорит, что не даст развод.

– Она не даст развод, потому что будет чувствовать себя одинокой, – сын поднял на отца глаза. – А если она не будет чувствовать себя одинокой, то... – Он помолчал. – Дай человеку то, что он хочет, и он исполнит любое твоё желание.

Антонио выпил виски, встал, чтобы налить себе еще.

– Хм! Интересно, значит дать то, что она хочет, – пробормотал он. – Интересно, а что она хочет?

– Вот и узнай.

Женщины были совсем другими, нежели мужчины-бизнесмены. Он не привык общаться с такими женщинами, как Клер. Вернее, он вообще особо не привык общаться с женщинами, предпочитая заниматься с ними сексом, дарил подарки, и если говорил все, конец, то те, женщины, с которыми он предпочитал встречаться, понимали, что конец. Клер была совсем другой. Как он попался на ее удочку, для него до сих пор оставалось загадкой. Как он купился на ее детскую чистоту и незащищенность? Он тоже понять не мог.

Но поскольку он был бизнесменом от мозга до костей, то решил разработать план, как и сказал отец, дать ей то, что ей захотелось бы получить, а он уж точно знал, что хотел бы получить от нее взамен – свободу.

И он принялся за дело, на разработку ушло две недели. Первое, он обратил свой взор к меценатам. Изучив все, что можно и всех, кого можно, он остановился на одном, которого она часто упоминала при разговоре, рассказывая о картинах, мечтательно как-то заметив: «Вот бы поработать с ним!» – с Беном Тосседом, каждый раз она восхищалась его знаниями и эрудированностью. Антонио уже знал о нем все, Бен был известный человек, его мнение очень ценилось среди искусствоведов, также аукционные дома «Сотбис» и «Кристис» приглашали его в качестве эксперта. Они вращались с Беном в одних кругах и часто встречались на различных благотворительных мероприятиях. На одном из таких вечеров, он представил их друг другу. От Антонио не укрылся взгляд Бена, когда тот внимательно разглядывал его жену, ведь меценат был фанатом и знатоком Востока. Клер взяла что-то щебетала, пела дифирамбы, Бен был безумно польщен.

На следующий день он договорился с ним о личной встрече. Как только они опустились в кресла в его, заполненным разным антиквариатом, особняке со стаканом виски в руках. Антонио не стал ходить вокруг да около, а достал фотографию вазы династии Сун, которую уже столько лет мечтал приобрести Тоссед.

Даже краем глаза взглянув на фотографию, Антонио заметил, как загорелись глаза у Бена, и он чуть ли не дрожащими руками взял фото. Ему был знаком этот взгляд, он видел его у своей жены, когда она начинала рассказывать про своего любимого Матисса. Он подумал, что пока идет все по плану.

– Она – ваша, – произнес Антонио, беззаботно пригубив виски.

Бену было к пятидесяти, выглядел он моложе, мускулистый, седовласый, с голубыми глазами, холеный.

– Не понимаю вас, – произнес он не в состоянии оторвать глаз от вазы, – вы хотите сказать копия вазы.

– Нет, я имею в виду подлинник, мы с вами деловые люди и копиями не торгуем.

Только тогда Бен перевел на него хмурый взгляд. Он молчал, потом сделал глоток виски и спросил:

– Но что вы хотите взамен?

– Развода со своей женой.

Бен удивленно и ошарашенно смотрел на него целых пять минут, потом, наконец, произнес:

– Как бы это сказать, я... наверное, не подхожу... к этой роли.

– Она занимается историей искусств и была бы счастлива работать с вами, – добавил Антонио, пропустив его намек мимо ушей. – Большого я ничего не требую и не прошу, – он развел руками, показывая свои честные намерения.

– Но я предпочитаю работать один, у меня есть антикварный магазин, но... и не один. И да, я коллекционер, но...

– Я все сказал, мне нечего добавить, – ответил Антонио.

Через пять минут он ушел, не получив ответа. Но поскольку бизнесом он занимался не один год, то знал наверняка, нужно выждать время. Рыбка заглотнет наживку. Буквально через неделю, к нему пришло на почту электронное письмо от Бена, что он ищет ассистентку. Он уговорил Клер отправить свое резюме на его вакансию. Скоро пришел ответ, что с ней хотели бы побеседовать. Она примчалась к нему в офис на седьмом небе от счастья, потому что ее приняли. Клер прожужжала ему все уши, что она будет работать у выдающегося Бена Тосседа. Самого Бена Тосседа.

Антонио только довольно потирал руки, предложив ей отпраздновать это событие в ресторане, и весь ужин его не покидала одна единственная мысль, что он будет не единственным идиотом, который попадет на удочку «наивности и честности» его жены.

Она часто стала отсутствовать, ездить по стране вместе с Беном, участвовать в торгах. Постепенно прекратились ее бесконечные смс-ки и телефонные звонки, она перестала его караулить у подъезда офиса и гостиницы.

А через шесть месяцев он получил подписанные бумаги о разводе, а Бен Тоссед – вазу династии Сун.

Первый раз за полтора года Антонио снял люкс в гостинице, предварительно дав указание сменить всю мебель и сделать ремонт в пентхаусе отеля, а также выставить его дом на продажу, заказал еду в номер, открыл бутылку дорогого виски, включил какой-то канал по телевизору и буквально через час, довольный, пьяный и сытый, заснул в кресле. Проснулся за полночь, принял душ и завалился спать на королевских размерах кровати.

На следующее утро его разбудил звонок мобильного, жужжащего рядом с ухом.

– О! Черт! Что еще?! – сонно произнес он, всматриваясь в телефон на номер Клер. – Привет!

– Привет, дорогой, я хочу тебе сообщить одну новость.

«Боже! – подумал он. – Только не снова».

– Бен сделал мне предложение, – заворковала она на том конце провода. – Представляешь?

Антонио резко умиротворенно выдохнул.

– Слава Деве Марии. Я очень рад за тебя.

– Ты правда рад?

– Конечно, Клер. Я рад, что ты наконец-то нашла своего Давида. Он достойный мужчина. – Она часто называла Антонио своим Давидом, его всякий раз передергивало от этого.

– И он говорит, что очень меня любит.

– Я рад вдвойне, дорогая. Будьте счастливы, – и он повесил трубку.

Пора было начинать новую жизнь, а вернее, продолжать старую, которая была еще до Клер.

7

Нина въехала на полукруглую подъездную асфальтированную дорогу, засаженную с двух сторон большими деревьями, ведущую к небольшому стандартному одноэтажному коттеджу бабушки. Они выбрались из машины и вошли в дом, в котором было прохладно. Мона быстро прошла через фойе на кухню, разделенную на обеденную зону, и открыла раздвижные стеклянные двери с выходом на веранду по всему периметру дому, с которой через лужайку можно было пройти к виноградникам.

– У нас много дел, Санни, – произнесла она, открывая холодильник и доставая салат, помидоры, приготовленное мясо, горчицу и приправу. Нина вышла на веранду, потянулась, оглядывая окрестности, вздохнув полной грудью.

– Как же хорошо! Как я люблю это место!

– Вот и отлично, – из кухни крикнула бабушка, – ты можешь здесь пожить, пока будешь в отпуске.

Нина смотрела перед собой на ряды зеленых лоз, простирающихся далеко вперед, скользя, как река, по холмам. Правее в стороне она обратила внимание на изменившиеся здания винодельни, крыша стала изломанной, как бы состоящая из множества кусков. А дальше она заметила тоже ряды, высаженных новых лоз, хотя раньше там были поля. Значит кто-то купил ту землю.

Она еще раз вздохнула полной грудью запах зелени, аромат цветов, еле уловимый запах винограда и земли. Потом вернулась в дом и налила два бокала холодного чая, поставив их на кухонный островок.

Бабушка тем временем пододвинула к ней тарелку с сэндвичем.

– Давай перекусим и поедем в коттедж Дэна. Зайдем в его магазин, я поговорю с управляющим, а ты потом заберешь из дома Дэна его компьютер. Нам нужно покопаться в его программе и посмотреть финансовые отчеты, что-то у меня не очень хорошее предчувствие.

Предчувствие Мону никогда не подводило.

– Для меня было неожиданностью, – произнесла Нина, – что он все оставил тебе. Честно говоря, я не ожидала.

– Я сама не ожидала, – ответила бабушка, доедая сэндвич. Она положила тарелку в посудомоечную машину и взяла мобильный телефон, выйдя на веранду.

Нина пила холодный чай, задумчиво оглядывая кухню, пока до нее долетали обрывки телефонного разговора Моны. Здесь все было, как всегда. Белая кухня, слева обеденная зона – деревянный стол с мягкими стульями, комоды с уймой фотографий семьи, какие-то разноцветные фигурки, стены покрашены в цвет топлёных сливок, а над комодами, трудно было сказать кто именно, то ли дизайнер хотел изобразить какую-то картину, то ли сама бабушка, предпочитающая яркие тона, но стена была разрисована разноцветной абстракцией, со всполохами немыслимых сочетаний и золотой блестящей крошки. Дальше начинался длинный узкий коридор, на стенах которого тоже висели фотографии, ведущий в гостиную с бордовыми диванами, стоящими буквой П, заваленными уймой бирюзовых, оранжевых, топлёного молока подушками. На стене напротив висел телевизор, а дальше по коридору находились три спальни – посередине была бабушкиной, две по бокам ее внуков.

Бабушка вернулась на кухню.

– Вот и отлично. Завтра утром будем ставить тотемы.

– О! Боже! – пробурчала Нина под нос.

Мона, конечно, услышала, но ничего не сказала.

– Хорошо, – громче произнесла Нина, загружая тарелку и стаканы в посудомойку. – Я переоденусь, и мы поедем в коттедж Дэна.

И она направилась в спальню, которая с детства была ее. Комната была маленькой, большая кровать у стены, накрытая разноцветом покрывалом с какими-то райскими птицами, пара подушек – фиолетовая и бирюзовая, шкаф напротив с резными дверцами, на которых была изображена виноградная лоза, дальше была дверь в ванную комнату с душевой кабиной. Стены топлёного молока, как и во всем доме, у кровати стояла с одной стороны тумбочка с ночником, с другой стороны тумбочка не влезала, зато в самом углу у окна находилось массивное комфортное темно-синее кресло.

Нина убрала шляпу в шкаф, скинула шпильки, стянула черное платье, надела длинную в мелкий цветочек юбку по шиколотки и синюю майку с полукруглым вырезом. Обулась в плетеные сандалии. Она зашла в ванную, причесалась, закрутила волосы в хвост, прихватив заколкой крабом.

Потом отправилась на кухню, но дверь на веранду уже была закрыта, Нина вышла из дома, бабушка стояла у машины, поджидая ее.

– Давай, быстрее, у нас полно дел.

– Ба, куда ты торопишься? – спросила Нина, обходя шевроле.

– Я хочу поговорить с управляющим, пока он не ушел.

Бабушка тут же залезла на пассажирское сиденье, поправив свой бордовый с блеском платок на голове.

– Поехали, – опять поторопила она.

Нина включила зажигание и стала выруливать с полукруглой подъездной площадки на общую дорогу. Через 20 минут они остановились перед шоп-вайн Дэна, который преобразился за то время, когда она была здесь последний раз.

Стены дома были выбелены, оконные рамы заменены на темные, на веранде висели кашпо с цветами и стояло несколько плетеных диванов. Справа находилась большая лужайка, затененная деревьями от палящего солнца, с пластиковыми столами и стульями. Здесь приезжающие туристы могли отдохнуть, дегустируя вино, любуясь видом виноградников.

Нина поднялась по новым темным деревянным ступеням и вошла в шоп-вайн. Внутри тоже многое преобразилось, она, открыв рот, замерла на пороге. Перед ней во всю стену были стеллажи с винными бутылками, а в центре огромная от пола до потолка композиция лозы, выложенная мозаикой. Стойка для продавцов тоже претерпела изменения, представляя собой конструкцию из сложенных дубовых фиктивных бочек, сверху накрытая мраморной столешницей. На стенах появились фотографии, старые, где был изображен отец Дена и более позднее с самими Деном с множеством друзей и известных людей. У широких окон стоял длинный стол с двумя скамьями.

Она кивнула мистеру Говарду, управляющему за стойкой, который тут же расплылся в улыбке, заведя их.

– Миссис Мона, мисс Нина, рад вас видеть, – они обменялись приветствиями.

– Как здесь все изменилось, так стало красиво, – произнесла Нина оглядываясь вокруг.

Он заулыбался еще шире.

– Это все мистер Сандерс, с наплывом туристов, он решил все переделать, чтобы соответствовать духу времени.

Бабушка стала рассказывать последние новости, и мистер Говард радостно произнес:

– Я так рад, что виноградник с винодельней принадлежит вам.

Потом Мона стала задавать разные вопросы о производстве и реконструкции, на что управляющий, нахмурившись ответил, что ему известно только одно – кредит, который взял Дэн был полностью израсходован на ремонт винодельни и магазина, склад почти не затронули, но денег не хватило, так как Дэн замахнулся на очень дорогой проект, обратившись к известному архитектору из Испании, на счету которого было уже достаточно дизайн-проектов виноделен. Но с каждым месяцем проект реконструкции становился все дороже и дороже. Да, мистер Сандерс заменил и некоторое оборудование на винодельни на немецкое, которое считается лучшим. Поговорить с бухгалтером не удастся, он со вчерашнего дня болен, отлеживается дома. Бабушка спросила не известны ли управляющему пароли для входа в бухгалтерскую программу, на что тот отрицательно покачал головой, сказав, что насколько он знает пароль был у владельца и бухгалтера. Мона утвердительно кивнула, рассматривая выставленные на прилавки бутылки с вином, она выбрала пару шардоне и пино нуар.

Нина решила взглянуть на изменившуюся винодельню, вдоль веранды обогнула шоп-вайн и очутилась на заднем дворе, откуда асфальтированная дорожка, засаженная с двух сторон деревьями, напрямик привела к заводу.

Перед ней предстала низкая длинная беленая постройка неправильной формы, с выпирающими окнами, стенами и углами, с поломанной из зеленой черепицы крышей, сюда при-

возили собранный виноград, который после тщательной сортировки загружали в 20-тонные цистерны, где начинался процесс брожения ординарного вина. Сбоку от этого странного сооружения – завода появилась привлекающая внимание, интересная покатая горка, словно приличной кусок земли вырыли и приподняли. Сверху засеяв его травой, в центре, установив большой круглый, крутящийся знак «Сонома Ярд Вэллей», справа у поднятого конца Нина заметила вход внутрь – в святая святых – склад, кантину по-итальянски, где хранились бочки с вином (баррики на 225 литров из лимузенского дуба), а также выдерживались бутылки. Именно сюда в первые залы впускали туристов.

– Да, впечатляет! – произнесла она, оглядывая результат реконструкции Дэна, и заметила человека, поднявшегося из склада, в руках он нес две бутылки вина, на нем был длинный белый фартук.

Нина улыбнулась, мужчина, заметив ее кивнул, направившись в ее сторону. Это был винодел Дэна – Тобиас Хофер, австриец, двадцать пять лет назад перебравшийся в Штаты, окончивший один из университетов Лиги плюща – Корнельский университет по программе виноградарства и энологии. Получив степень магистра, он направился в Соному, где случайно познакомился с Дэном, который взял его к себе на работу. И с тех пор они были вместе вот уже четверть века. Здесь же Тобиас женился, у него было двое совершеннолетних детей. И сколько его помнила Нина, он все время улыбался и пребывал в прекрасном настроении.

– Мисс Нина, как я рад тебя видеть, – произнес он, поставив бутылки на плетеный столик и пожимая ей руку.

– Тобиас, я тоже очень рада.

– Хотел подойти к тебе на службе, но так и не успел, столько было народу.

– Да, чуть ли не весь город собрался, – произнесла она, разжимая рукопожатие.

– Очень жалко, – произнес Тобиас с грустью, – я потерял не только своего боса, но и лучшего друга, с которым столько лет был вместе. Дэн как-то мне говорил, что хотел бы передать все Моне. Ты не знаешь, она вступила в права наследования? – С надеждой спросил он.

Нина кивнула.

– Отлично, – радостно потер он руки. – Садись, я кое-чем тебя угощу, такого ты еще не пробовала.

Нина молча опустилась в кресло за столом, он сел рядом. Достал штопор и открыл бутылку розового вина, немного налил в бокалы.

– Попробуй, – произнес он, покручивая бокал и внимательно разглядывая «ножки» вина¹.

Нина взяла свой бокал, также покрутила его, посмотрела на свет и поднесла к носу.

– Тебя же Дэн учил, насколько я знаю, что скажешь?

– Чувствую запах яблок, персика, – она выдохнула, и еще раз опустила нос в бокал, – лимона.

– Не плохо, для аналитика, – произнес он довольно улыбаясь. – А еще?

Нина молчала, вдыхая аромат, потом опять отодвинула бокал, выдохнула, посмотрела на Тобиаса и задумчиво произнесла.

– И еще что-то, напоминает шоколад.

Его глаза радостно заискрились, он заулыбался.

– Да, но это не шоколад, но похоже. А теперь пробуем, – они вместе сделали по маленькому глотку.

Тобиас довольно причмокнул.

– Отлично! – воскликнул он.

¹ Ножки – следы, оставляемые алкогольным напитком на стенках бокала при его вращении. Иногда их называют «слезами» или «арками».

Нина проглотила и с удивлением посмотрела на него.

– Оно в меру сладкое, вернее, именно такое, как я люблю. И легкое, нет тяжелого послевкуся.

– А я тебе, что говорил, ты такого ординарного вина² еще не пробовала.

– Потрясающее, это что новый сорт винограда? Что это?

– Не совсем новый сорт винограда, к нему добавлен другой сорт, поэтому оно розовое. Это сорт пино гриджо, который еще посадил отец Дэна, сейчас этой лозе тридцать лет, она набрала свою силу. Чувствуешь? Какой вкус? Такого вкуса я еще не пробовал! – Довольно посмеиваясь воскликнул он.

– Потрясающе! – произнесла Нина, делая еще глоток вина. – Вы выставляли его на дегустацию?

– Конечно! Ты думаешь просто так Дэн и я были признаны Flying winemaker³, «летающими виноделами».

Нина с удивлением смотрела на него.

– И вы его уже продавали?

– Да совсем чуть-чуть, маленькой партией, даже партией-то не назовешь. Твой брат Тео у себя в ресторане подает его, ну, помимо магазина в городе и здесь. У нас его не так много, надо сказать, мы ждем урожая этого года, чтобы сделать отличные запасы. Я больше чем уверен, если выдерживать его в бочках, то вкус будет совершенно другим, но при этом потрясающе неповторимым.

– Я хотела бы купить бутылку, – произнесла Нина, поставив пустой бокал на стол. – Честно говоря, оторваться от него невозможно.

– Возьми вот эту, – произнес Тобиас, протягивая ей бутылку. – Просто, как подарок. – Его улыбка пропала, в глазах появилась грусть. – Да, жалко, что Дэн так внезапно умер, у нас были с ним грандиозные планы.

Нина кивнула.

– Он себя не важно чувствовал последнее время, я так поняла, да?

– Да, не все хорошо с кредитом, который он взял, насколько я знаю. Он нервничал..., конечно,... деньги большие.

– Сколько? – спросила Нина.

– Два с половиной миллиона долларов, причем кредит краткосрочный на 5 лет, проценты немаленькие.

– Сколько в год?

– Я не знаю, Нина, я не лез в финансовые дела. Говорю то, с чем он со мной изредка делился.

– Ну, что ж, ясно... разберемся. Спасибо, Тобиас, я загляну еще как-нибудь, если ты не возражаешь. – Произнесла она, протягивая ему руку.

– Конечно, приезжай, ты же знаешь, где меня здесь можно найти. – Они улыбнулись друг другу, и Нина направилась по веранде за угол дома, ко входу в шоп-вайн.

Бабушка, как раз попрощалась с управляющим, который вышел проводить их до машины. Как только Нина завела мотор, Мона произнесла:

– А теперь поехали в коттедж к Дэну, заберем его ноутбук и принтер, чтобы мы могли все распечатать.

– Ба, зачем? У меня есть свой собственный ноутбук, – ответила внучка.

² Ординарное вино – вино, потребляемое в следующем году после года выработки без выдержки.

³ Flying winemaker (англ.) – «летающий винодел». Термин появился в конце 1980-х годов для обозначения энологов, которые производят высококачественные вина в малоизвестных винодельческих регионах и странах.

– Мы не знаем пароля, а я больше чем уверена, что Дэн так и не сменил пароль на своем компьютере, под которым я год назад входила в его бухгалтерскую программу. Поехали!

И Нина тронулась с места, спорить было бессмысленно, бабушка, как всегда, была права. Пароль Дэна она не знала.

Мона бодро вышла из машины, как только они подъехали к двухэтажному салатовому с огромными окнами и стеклянными дверями дому, с темной черепичной крышей, на которой была пара окон, белыми балками, поддерживающими террасу, с подстриженной лужайкой и кустами самшита, высаженными вдоль веранды, у деревянной лестницы по бокам стояли небольшие вазоны с фиолетовой вербеной. Запустив в один, стоявший с правой стороны, руку, бабушка что-то вытащила и поднялась на веранду, открыв ключом дверь.

Нина последовала за ней, оказавшись в прихожей Дэна. На стене сбоку было овальное зеркало в чугунной раме, под ним маленький столик. Немного впереди справа, спустившись по трем ступенькам, начиналась гостиная, с диванами и креслами напротив камина, на стенах висели какие-то картины. Она была отделена от кремовой кухни белой балюстрадой. Посередине кухни находился длинный и широкий кухонный островок, с отдельной раковиной и барными стульями с двух сторон.

Бабушка направилась напрямиком к маленькой лестнице сбоку.

– Пошли в кабинет Дэна, а то я одна все не унесу.

Они поднялись по лестнице и попали в узкий коридор, справа была спальня, Нина обратила внимание на большую кровать, застеленную коричневым покрывалом. Слева комната, похожая на кабинет. Большая, узкая, с маленькими тремя окошками, со скошенным потолком, две стены занимали стеллажи книг, рядом с одним, из которых стоял стол с креслом, на столе компьютер и рядом на тумбочке принтер. Бабушка уже отсоединяла провода от компьютера, Нина помогла отключить принтер. Подняв глаза, она стала дальше осматривать комнату. Напротив стола у противоположной стены стоял телевизор на комод, который был заставлен какими-то кубками, наградами и многими другими призами. На столе Нина заметила фотографию в рамке, она взяла ее в руки и внимательно пригляделась – молодые бабушка, дедушка и Дэн, она стояла в центре своих любимых мужчин, и все трое смотрели в камеру, улыбаясь, довольные и счастливые.

– Потом у тебя будет время все изучить, – произнесла бабушка, забирая у нее фотографию и ставя на место. – Пошли. Нечего тут задерживаться. Мне тяжело здесь находиться, – со вздохом произнесла она, подхватывая ноутбук.

– Прости, ба, я до сих пор не могу поверить, – но бабушка, ничего не говоря, направилась на выход.

Нина подхватила принтер с пачкой бумаги и стала за ней спускаться по лестнице. Они вышли из дома. Бабушка положила ноутбук на деревянный пол, закрывая дверь ключом, Нина тем временем отнесла принтер в машину, положив на заднее сиденье, потом вернулась за ноутбуком. Мона спрятала ключ откуда его взяла, в вазон с фиолетовой вербеной. Нина забралась в шевроле, включила зажигание, бабушка захлопнула дверцу, и они тронулись. Ехали молча, но Нина пару раз замечала, как бабушка вытирала слезы с щек, изредка тихо вздыхая.

8

Ужин проходил на заднем дворе, на веранде. Они трое сидели за круглым столом из ротанга, нахваливая курицу по-креольски, отламывая еще горячий чесночный хлеб, заедая итальянским салатом с козьим сыром и запивая шардоне. Всю эту еду Тео доставил из своего ресторана. Вечер был теплым, в воздухе витал аромат цветов и тихо шелестели «ловцы снов», подвешенные к балкам на веранде дома.

За столом бабушка стала рассказывать Тео о завещании, затем поведала о разговоре с управляющим, а Нина о том, что Дэн взял приличный кредит, как сказал винодел, под большие проценты.

Бабушка тут же заявила, что после ужина нужно будет порыться в финансовой отчетности, Тео предложил помочь.

– Не зря же я окончил Университет бизнеса и экономики Сономы, причем это второе мое образование, – со значением произнес он, подняв указательный палец.

– Если мы сможем зайти в его программу, – поправила Нина, – мы не знаем пароля, надеемся только, что его Дэн не сменил.

– Дэн не то что не сменил, он даже не знал, что это такое. Он компьютером не пользовался, – заявила бабушка.

Остальное время ужина прошло за новостями из города, которые рассказывал Тео. Когда стол был очищен и посуда убрана, они расположились на кухонном островке, включив компьютер Дэна. Бабушка нажала мышкой на финансовую программу и ввела свой пароль, которым пользовалась еще год назад, программа загрузилась. Она стала просматривать столбцы цифр.

– Может я стала настолько стара, что сейчас ничего не понимаю, – произнесла она через какое-то время.

– Думаю, нам нужно все распечатать и посмотреть всем троим. Одна голова хорошо, но три намного лучше.

Мона согласно кивнула.

– Я, наверное, взгляну завтра. Вы молодые и у вас более острый глаз, – она взяла конверт Дэна, лежащий на столешнице. —Пойду, посижу на веранде, – произнесла она и удалилась.

Тео вопросительно посмотрел на Нину, как только бабушка вышла из кухни за раздвижные двери, сестра пояснила:

– Дэн написал ей письмо.

Тео понимающе кивнул. Нина запустила печать, листы вылетали в поддон принтера.

– Мне всегда казалось, что Дэн испытывает определенные чувства к нашей бабушке. Что думаешь? – тихо спросил Тео, но все же, чтобы Нина его услышала, несмотря на жужжание принтера.

– Мне тоже так казалось. Ты знал, что он был женат?

– Был женат?! Вот это новость! – воскликнул Тео, раскладывая напечатанные страницы на три стопки. – Когда? И где сейчас его жена?

– Это было давно, бабушка говорит, что они прожили то ли год, то ли три года... потом развелись.

– Знаешь, что я тебе скажу, чужая душа – потемки, – Тео сделал еще глоток вина из бокала, стоящего рядом на столешнице. – Я больше чем уверен, что у нашей бабушки полно секретов, о которых мы еще не знаем.

– Согласна, – ответила Нина, тоже делая глоток вина из своего бокала. – Думаю, она ни один раз нас еще удивит... как и было всегда, – задумчиво добавила Нина.

И они вдвоем с братом стали изучать распечатанные листы. Где-то через полчаса Тео произнес:

– Мне кажется Дэн влип в свой кредит по самую макушку. Еще больше, странно, что он не считал нужным выплачивать проценты, тогда бы ставка его кредита так не возросла, и не стала бы столь внушительной. У меня такое впечатление, что он до конца не понимал, что сумма процентов по просроченному кредиту может возрасти в пять раз, – добавил Тео, потягивая вино. – Что и произошло.

– Или его бухгалтер не объяснил ему, что является его настоящей ставкой по кредиту, – добавила Нина, просматривая отчетность. – Бедный Дэн. Теперь нам нужно понять, сколько он должен.

Тео отрицательно покачал головой.

– Позволь с тобой не согласиться. Имея опыт в ведении бизнеса – не одного ресторана только в Сономе, но и в другом близлежащем городе. Не думаю, что его бухгалтер хотел лишиться своей лицензии, а это выглядит именно так, судя по тому, что он не платил первоначальные взносы по ставке пять процентов в год. Из своего опыта, – добавил Тео, – могу тебе сказать только одно – мой бухгалтер готов был бы пойти на все, используя любую лексику, чтобы меня вразумить. Решение платить или не платить может только принять владелец, но и то только лишь в том случае, если согласится письменно отказать настойчивости бухгалтера.

Нина внимательно слушала брата, оторвавшись от бумаг.

– Нам нужно найти письма бухгалтера к Дэну, так получается? – спросила она.

– Да, было бы желательно порыться в его компе и найти такие письма, хотя если прямо спросить у бухгалтера, думаю, он нам их покажет... в этом я больше, чем уверен.

– Тогда, ты мне и скажи, ты же владелец бизнеса, – начала Нина. – Допустим, ты взял кредит под пять процентов годовых на пять лет, зная, что, если не будешь вовремя выплачивать проценты твоя ставка возрастет до тридцати, то есть станет в шесть раз больше. Что конкретно бы тебя заставило выплачивать подобную ставку, превышающую первоначальную в шесть раз? Если учесть, что Дэн брал кредит под реконструкцию, которую и сделал, но настолько я поняла из слов управляющего, она потребовала больше денег, чем он рассчитывал. – Тео вопросительно смотрел на нее. – Итак, ты владелец бизнеса и знаешь все вводные, ответь мне на вопрос, почему ты решил выплачивать ставку, в шесть раз превышающую первоначальную? – спросила она. – Подумай, ради чего бы ты согласился... Ведь должна же быть какая-то очень веская причина, почему Дэн именно так поступил.

Тео долго думал, потягивая вино, потом стал что-то считать на калькуляторе в мобильном телефоне, записывая цифры прямо на распечатанных листах.

– Я бы рискнул... – начал он, – но только в самом крайнем случае... Вернее, если бы точно был уверен, что риск оправдается и я сорву большой куш.

– Объясни, – попросила Нина, – более подробно.

– Ну, смотри. Допустим я беру кредит, чтобы соответствовать времени и пускаю его на реконструкцию винодельни и шоп-вайна, чтобы привлечь большой наплыв туристов. Соответственно увеличить продажи.

– Допустим и не платишь при этом проценты.

– Да, не плачу, – он посмотрел на свои записи на распечатанных листах, – не выплачиваю 87 500 долларов каждый месяц. Я лучше вложу эти деньги на реконструкцию, которая требует больше средств. Кстати, ты не обратила внимание, что винодельня увеличилась в размерах?

– Обратила, она стала больше, мне кажется в полтора раза точно, – ответила Нина.

– Значит он вкладывал не только в здание, но и в производство, купил, наверное, еще 20-тонные цистерны.

– Хм! – задумчиво произнесла сестра. – Смысл покупать еще цистерны? Размер виноградника остался тем же.

Тео думал несколько минут, потом ответил:

– Да, но насколько я знаю, Дэн продавал виноград своим поставщикам. Я могу объяснить появление новых цистерн только тем, что он решил пускать весь виноград своей винодельни в производство вина. Другого объяснения у меня пока нет.

Нина кивнула.

– Скорее всего, что так, учитывая насколько Дэн был дотошным в бизнесе. Он несколько раз все взвешивал прежде, чем принять какое-то решение.

– Думаю, что об этом может нам сказать управляющий или винодел. Итак, – произнес Тео, довольно потирая руки, – пошли дальше. – Я не плачу взносы, потому что все деньги пускаю на реконструкцию, которую, – он поднял указательный палец, – собираюсь закончить к началу сбора урожая.

– Точно, – согласилась Нина, – у меня создалось такое чувство, что он торопился ее закончить к какому-то сроку.

– Конечно, к началу сбора винограда. – И Тео опять надолго замолчал, потом, наконец, сказал: – Зная Дэна, могу тебе сказать только одно. Что будь я на его месте, я рискнул бы заплатить вместо пяти миллионов долларов за пять лет шесть с половиной, то есть на полтора миллиона больше, если брать тридцать процентов, только при одном условии...

Сестра молча, выжидающее смотрела на него.

– Если бы у меня было бы нечто такое, что покрыло бы миллион триста тысяч, которые при таких драконовских процентах, я должен был выплатить, и у меня бы еще остались деньги. Иначе, меня буквально на второй год можно было бы объявить банкротом... что маловероятно, зная любовь Дэна Сандерса к своему винограднику, который для него был всем. Что думаешь, аналитик? – С улыбкой спросил Тео, посмотрев на сестру.

– Думаю, что ты прав, – согласилась она, – у Дэна явно имелся какой-то козырь в рукаве, на который он очень рассчитывал, иначе бы не стал столь беспечно относиться к погашению кредита. Явно же он знал что-то такое, о чем многие не догадывались. Он рассчитывал получить приличные деньги, чтобы покрыть готовую ставку по кредиту, – ответила сестра.

– Именно, козырь в рукаве, – подтвердил Тео. – Я так понимаю это и есть комп Дэна? – С искрой в глазах спросил брат.

Нина молча несколько секунд смотрела на него, потом, видно, поняла его намек, переведя свой взгляд на экран монитора.

Она моментально нажала конвертик внизу с левой стороны экрана, который показывал пришедшие письма на электронную почту.

Тео довольный опустил взгляд на распечатанные листы.

– Если найдешь что-нибудь, скажи, – тихо произнес он. – Я пока тут посмотрю, что да как.

– Угу, – также тихо ответила сестра, просматривая почту Дэна, которую не открывали, наверное, уже сто лет, хотя новых, пришедших писем было мало... В основном ответы на письма Дэна от покупателей винограда, которым он сообщал, что, к сожалению, в этом году не сможет поставить им товар. Таких писем Нина насчитала десять.

– Он отказал десяти покупателям винограда, – произнесла сестра. Потом она открыла еще одно письмо от поставщиков оборудования – 20-тонных металлических цистерн для виноделия, в нем сообщалось, что поставка из Германии задерживаются на один день, в копии стоял управляющий мистер Говард.

– Он заказал десять 20-тонных стальных цистерн, которые годятся для производства ординарного вина, – задумчиво сказала Нина.

Тео оторвался от просматриваемых бумаг.

– Что я тебе говорил? Он решил увеличить производство... – Тео оглядел кухню. – Но производя вино, которое он делал все это время, даже с этими цистернами, Дэн не смог бы покрыть расходы. Нужно искать дальше. Увеличить производство – это не козырь, который был у него в рукаве.

– Да, я знаю, – ответила Нина, дальше щелкая по письмам.

Наверное, полчаса они провели в тишине, раздавались только щелчки мышки, и Тео периодически оставлял пометки на листах.

– Хм! Интересно, – произнесла Нина, – вот послушай. Письмо от известного журнала «Wine Spectator»⁴ от 30 августа 2018 года.

«Уважаемый, мистер Сандерс!

Доводим до вашего сведения, что ваше вино Пино гриджио с «Сонома Ярд Вэллей» 2017 было оценено дегустаторами в 89 баллов по 100-балльной шкале. Вам присуждается награда «Restaurant Wine List Awards», мы рекомендовали Пино гриджио с «Сонома Ярд Вэллей» 2017 года включить в винные карты известных ресторанов.

С наилучшими пожеланиями,

Томас Мэтьюз, управляющий редактор «Wine Spectator».

Нина посмотрела на Тео, он перевел взгляд на бутылку на столе, которую Нине подарил винодел. Она тоже медленно повернула голову к бутылке, прочитав на этикетке «Сонома Пино гриджио» 2017.

– Сколько она стоит?! – тихо спросила Нина.

– Ха! Все зависит от выдержки, мне он поставлял 4-месячное вино по сто долларов за бутылку. Это очень приличная цена, должен тебе сказать, если учесть, что хорошее вино у нас в городе виноделов можно купить по 23-27\$. Но, – он стал перелистывать страницы финансового отчета, – в этот журнал он явно отправлял вино не 3-месячной выдержки, а более... вот. Выдержанное, которое стоило полторы тысячи за бутылку. Он поставлял в элитный ресторан в Сан-Франциско «Палас Хотел», где есть карта вин и благодаря своему сомелье, этот ресторан второй год подряд берет приз «Три бокала».

Нина вопросительно посмотрела на него.

– Это как «Оскар» в киноиндустрии или «Мишленовские звезды» в ресторанном бизнесе. «Три бокала» считай, что у тебя пять «Мишленовских звезд» и еще одна в придачу. Это очень и очень круто, – пояснил Тео. – Итак, он сделал вино, которое получило 89 баллов, очень высокую оценку... очень высокую, Нина. Это вино считается хорошим и имеет свои собственные свойства, оно не 90-94, оно еще не выдающееся по своему характеру и стилю, 100 баллов – это вообще классика, считается великим вином. Но 89 очень впечатляет, с выдержкой 8 месяцев.

– Это может быть его козырем в рукаве? – спросила сестра.

– Может... но, если бы я был на его месте, я все же имел бы что-то более существенное.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она.

– Я хочу сказать, что у меня это уже было бы, я знал, что у меня «козырь», – Тео изобразил кавычки в воздухе, – уже есть и он постоянен.

– А вино, разве не постоянно?

– Нет, вино не может быть постоянным продуктом. Во-первых, оно меняется каждый год, здесь очень много причин, от которых зависит хороший урожай. Не будет ли дождливым год, не нападёт ли на виноград серая гниль, вовремя ли соберут урожай и еще полно всего. Я не стал бы настолько рассчитывать на будущее вино, хотя его нельзя сбрасывать со счетов.

Нина поставила три чашки на стол, опустила пакетики с чаем и налила кипятка. Потом взяла одну чашку и пошла на выход, на веранду. Она только переступила порог, остановилась, увидела бабушку, сидящую в кресле-качалке в дальнем углу на веранде, тихо покачиваясь и прижимая письмо к груди, смотрящую куда-то вдаль прямо перед собой. Нина заметила, как она смахивала слезы и решила ее не беспокоить, поэтому тихо зашла назад в дом.

⁴ Wine Spectator – это журнал о стиле жизни, в котором рассказывается о вине и культуре вина, а также публикуются рейтинги некоторых видов вина.

– Смотри, – воскликнул Тео, делая глоток чая. – Я нашел еще одно вино «Сонома Шардоне» тоже 2016 года было поставлено в другой ресторан в Сан-Франциско по цене 300 долларов за бутылку, а «Сонома Зинфандель» 500 долларов за бутылку.

– Итак, подведем итог, – произнесла она. – Получается, что он стал производить элитные вина?

– Получается, что так. Наряду с обычными для любителя, он стал производить вина для гурманов. Ты должна найти письма в его почте про эти вина.

Нина стала просматривать электронную почту, поудобнее расположившись на стуле, потягивая чай. Тео продолжал изучать финансовый отчет.

– Странно, – через какое-то время произнесла она, – здесь нет писем про эти вина.

Нахмурившись, она посмотрела на брата.

– Действительно, странно, чтобы выставлять такие цены, у него должна быть бумага. Он должен был отправить вино на дегустацию, типа этого журнала, и ему должны были присудить баллы и приз. Мне нужно будет поговорить на этот счет кое с кем.

– Хорошо, давай закончим на сегодня, у меня уже голова идет кругом. Я просмотрю отчет в постели, – произнесла она зевая.

Тео кивнул.

– Да, день был длинным. Я уеду рано завтра утром, у меня дела в городе.

Нина стала выключать компьютер. На пороге появилась бабушка. Она медленно подошла к ним, сделала несколько глотков чая и пожелав всем спокойной ночи, направилась к себе в комнату.

Нина смотрела ей вслед, Тео тоже не сводил с нее глаз.

– Бабушка как-то ссутулилась что ли, – тихо произнес он.

– Я видела, как она плакала на веранде, читая письмо Дэна. Думаю, что она тоскует по нему также, как и по своему мужу, – задумчиво произнесла Нина.

– Ладно, – протянул брат, – давай расходиться, уже поздно.

Они направились каждый в свою комнату.

Нина приняла душ, забралась в кровать и стала просматривать столбцы цифр в колонках отчета и не заметила, как заснула.

9

Антонио на черном Ferrari LaFerrari гнал по трассе номер один из Сан-Франциско в Сонома. Как же он любил эту машину! Его «малышка» была не приспособлена для города, а для такой трассы она была просто незаменима. Он поглубже вжался в светлое кожаное кресло, поставив телефон на громкую связь, быстрым набором, вызвав номер брата.

– Привет! – немного сонным голосом произнес Марко. – Ты уже на ногах?

– Я уже еду в Сонома, – он постучал пальцами по рулю. – Я вчера виделся с Паоло. Он, как всегда, играл в казино, проигрывая деньги семьи. Я сказал ему, чтобы сегодня он заехал к отцу, проконтролируй это. – Старший брат глубоко вздохнул. – Когда он придет в себя и возьмется за ум? Сколько он будет еще прожигать жизнь?

– Он звонил мне, жаловался на тебя, сказал, что ты очередной раз на него наехал со своими нравоучениями. По сравнению с тобой он чувствует себя белой вороной в нашей семье. Дай ему время, он скоро возьмет себя в руки и еще проявит свои способности, – ответил Марко.

– Он должен чем-то заняться, я дал ему на это две недели. И если он ничего не предпримет, я поставлю лимит на его счета, будет получать сто долларов в неделю, пусть попробует на них прожить с его запросами, тогда может быстрее возьмется за ум. Мне кажется для него и сто долларов много.

– Жестко, – произнес Марко. – Думаю до этого не дойдет. Я поговорю с ним сегодня.

– Присматривай там за ним, пока я буду в Сономе, – произнес Антонио. – Итак, рассказывай, что тебе удалось узнать о Дэне Сандерсе и его подруге детства.

– Ты знаешь, не многое. Он был очень уважаемым человеком в Сономе, давно занимал пост мэра. Последнее время исключительно занимался своим виноградником. Его подруга Мона Блиссе, действительно, подруга детства и была замужем за его лучшим другом – Дэвидом Блиссе, их называли неразлучная троица. Ее муж умер пять лет назад. У нее была дочь, которая семь лет назад разбилась вместе со своим мужем в автокатастрофе. Остались дети... уже взрослые, то есть внуки Моны Блиссе – Тео, ресторатор, имеет ресторан в Сономе и в Петалуме, близлежащем городе; Николь – профессиональная модель, сейчас в Париже, выступает в показе мод, кажется заключила контракт с какой-то известной фирмой. – Марко помолчал. – И Нина – ведущий аналитик на Северо-Западном побережье Штатов. Ты можешь ее знать, она работает в консалтинговой фирме Мартина. Ты же являешься их клиентом.

– Ах, лучший ведущий аналитик... – пробормотал Антонио. – Так значит, у нее присутствует личный интерес в этом деле.

– О чем ты? – спросил Марко. – Я кстати с ней познакомился, когда был на прощальной службе по мистеру Сандерсу. Красивая, приятная женщина, она была вместе с Алексом, помнишь он занимается недвижимостью и не раз помогал нам в бизнесе.

– Да?! – удивленно спросил старший брат. – Алекса не помню, но мне она показалась в первую и последнюю нашу встречу у Мартина упрямой и не простой...

– Целеустремленной, я бы сказал, да, но мне нравятся такие женщины. Знаю, знаю, она не в твоём вкусе, тебе бы лучше подошла Николь – модель, ты любишь таких...

– Каких таких? – поинтересовался Антонио.

– У которых одни только и разговоры, как выглядеть хорошо, как не набрать вес и похудеть и т.д. Короче не о чем, ничего не хочу сказать, – быстро добавил Марко, – я прекрасно тебя понимаю. Иногда хочется просто отдохнуть и повстречаться с девушкой, которая совсем не разбирается в бизнесе, в котировках акций и т.д., чтобы просто хорошо провести время. Дамы с железными яйцами, которых я встречаю в бизнесе, немного поднадоели. У меня крышу от них сносит. С одной стороны, выглядит как женщина, с другой – ведет себя, однозначно, как мужик, если бы она была настоящим мужиком, я бы послал ее куда подальше, за те методы, которыми она ведет бизнес, не гнушаясь при этом никаких средств...

Антонио расхохотался на его замечание.

– Терпи, брат, мы же сами их и породили... я имею в виду мужчины.

– Не уверен, что я их породил. Я привык все же относиться к женщинам, именно как к женщине, а не как мужику в юбке. Я с такой даже в постель не могу лечь, зачем мне в постели рядом еще один мужик...

Антонио еще громче захохотал.

– Ладно, согласен с тобой, мы оба – два самодостаточных самца, которые сами привыкли всем управлять и контролировать... тем более в постели, – Антонио, плавно перестроился в другой ряд. – Так что насчет этой Моны.

– Сандерс передал ей все – виноградник, дом, винодельню и даже свою старую машину. Короче все, об этом мне сообщил его адвокат Том Рендорф, буквально перед моим визитом, он ознакомил Мону Блиссе и Нину с завещанием Дэна Сандреса.

– И Нину, значит?! Ну, правильно, куда же без лучшего аналитика...

– Не понимаю, чем она тебе так не угодила, если ты видел ее всего один раз? – спросил Марко, посмеиваясь.

– Вот именно, она и не собиралась мне угождать, это было у нее на лице написано. Я нутром чувствовал, что она не любит таких, как я.

– Каких таких? Таких красивых? – еще больше веселясь спросил Марко.

– Таких успешных, – поправил его Антонио, – которые привыкли всего добиваться. – И он решил сменить тему. – Я правильно, понимаю, что теперь должен по поводу покупки виноградника Дэна вести переговоры с его подругой детства – Моной Блиссе?

– Да, она владелица всего. А ты собираешься вести с ней переговоры? Мне казалось, раз виноградник и винодельня Сандерса не будут выставлены на торги, нет смысла ее покупать.

– Марко, я своих решений, что касается бизнеса, не меняю, ты же знаешь? – резко произнес Антонио. – И дело не в том, выставляется ли виноградник Сандерса на торги или нет, если бы он был жив... пресвятая Дева Мария, я бы обратился лично к нему. Я хочу купить этот виноградник.

– Но, мы же купили рядом земли и высадили виноград, или я не прав? – спросил Марко.

– Да, купили, но это ничего не меняет. Я хочу получить тридцать гектаров виноградника мистера Дэна Сандерса и точка. Все понятно?

Марко помолчал, потом напряженно произнес:

– Мне не все понятно, – таким же резким тоном ответил брат, – ты что-то от меня скрываешь. Поступай, как знаешь, я больше не буду вмешиваться в это дело. Пока, старик, удачи тебе с этим. – И он отключился.

Марко часто его называл стариком, еще с тех времен, когда Антонио учился в старших классах и собирался поступать на факультет управления бизнесом в институт Лиги плюща.

– Вот черт! – выругался Антонио, внимательно следя за трассой, через десять минут он будет уже в Сонома на своей вилле «Терра Нова», которую купил буквально две недели назад. – Да, парень, ты стал не сдержан, – пробубнил он себе под нос. – Пора спускать пар.

Он подумал, что может стоило ему взять с собой Эйприл, шикарную блондинку, но тут же отменил эту мысль. Во-первых, он никогда к себе не водил женщин, и ему не хотелось бы, чтобы она жила на его вилле, и во-вторых, она бы отвлекала от дел, а ему сейчас необходимо было сосредоточиться на деле.

Он долго выбирал виллу. Сонома со своими окрестностями, как правило, представляла небольшие одноэтажные коттеджи, когда агент по недвижимости спрашивала его пожелания, он не мог точно ответить, какой дом хотел бы. Но ему хотелось что-то особенное, комфортное и удобное. Настоящий дом для семьи, откуда возникло слово «семья» он даже представить не мог, но хотелось именно такое. Да, где он мог бы потом с семьей проводить время. Она высылала фотографии, много фотографий, даже видео, но он отметал все. Все было не тем, что он хотел. И совершенно неожиданно три недели назад она прислала видео виллы «Терра Нова» за 4 млн долларов, состоящей из хозяйского дома с 6 спальнями и ванными комнатами, а также домика для гостей, под которым был гараж на четыре машины, а на втором этаже была прекрасная веранда. Поместье находилось на 1,12 акрах земли, закрытое вековыми дубами, все в зелени, с огромной террасой вокруг дома, с фонтанами перед главным входом и перед террасой с барбекю, отдельной кухней с задней стороны дома, бассейном, с автоматическими воротами. Но больше всего его поразил вид, открывающийся с внутренней стороны террасы на виноградники, виднеющиеся вдали. Хотя на территории теперь уже его поместья имелся сад из фруктовых деревьев и пять рядов виноградных лоз, привязанных к изгороди, к которым можно было попасть через арку, выложенную огромными темными, разной формы камнями. Сам дом был терракотового цвета, в испанском стиле, который ему очень нравился, напоминая родную Италию, одноэтажный, но не вытянутый, как большинство домов в Сономе, а более компактный – трапециевидной формы. Он нажал на сигнализацию и темно-коричневые ворота открылись, пропуская машину вперед, потом также бесшумно стали закрываться за ним. Антонио показалось, что он попал в исключительное место, именно такое было у него впечатление, когда он увидел эту виллу. Она напоминала ему райский уголок. Он стал объезжать огромный дуб посередине подъездной гравийной дороги, остановившись у подъезда. Выйдя из машины, он с удовольствием потянулся, разминая шею и плечи, забрал пиджак и взял телефон. Под-

нялся по деревянным ступеням с металлическими черными перилами, выпирающими вперед, вместе с треугольной крышей, стоящей на четырех белых колоннах, открыл красивую массивную дубовую дверь и вошел в огромное фойе. Тут же был встроен сбоку небольшой щит, на котором он нажал кнопки, заработали кондиционеры. Он прошел по полукруглому мраморному полу вперед, оказавшись в огромной квадратной формы гостиной с камином, с картинами на стене, с полукруглым столом и восемью стульями в центре, через нее дальше, пройдя еще одну комнату, которая тоже была похожа на гостиную, но только с диванами, креслами с подушками, коврами и огромным телевизором на стене. Вошел в кухню, из темно-золотистого дерева, напоминающего карамель, с кухонным островком посередине с белой столешницей, с двумя дабл холодильниками для продуктов и двумя – с прозрачной дверцей для вина, в которых поддерживалась специальная температура. Кухня занимала всю комнату буквой П, на столешнице в разных местах стояло различное кухонное оборудование – соковыжималки, кофемашины, блендеры и еще много чего. Над кухонным островком в потолке было сделано вытянутое со скошенными краями окно, которое добавляло естественный свет помещению. Он нажал кнопку на кофемашине, положив внутрь капсулу, подставил чашку.

Посмотрел на пришедшую смс-ку, когда раздался знакомый звук телефона. Марко сожалелся над ним и прислал адрес коттеджа миссис Моны Блиссе. Антонио написал ему в ответ свои извинения.

Потом набрал один номер, которым он пользовался не часто, в крайнем случае, когда необходимо было о ком-то собрать информацию, не привлекая повышенного внимания, или, когда нужно было решить какие-нибудь щекотливые вопросы, он звонил Джино, который уже не один год предоставлял подобные разные услуги его семье.

– Рад вас слышать, сеньор Антонио. Что я могу для вас сделать? – как только сняли трубку произнес хрипчатый голос на том конце провода по-итальянски.

– Джино, взаимно, – ответил Антонио тоже по-итальянски. – Мне нужна вся информация и финансовая тоже на Мону Блиссе и ее внуков... и дочь... но она погибла, насколько я знаю. Я хочу знать об этой семье все. Вплоть до того, что они предпочитают есть на завтрак.

– Ха! На завтрак я и так скажу... яичницу с беконом, – по-итальянски прогудел Джино. – Все американцы предпочитают только такой завтрак.

– Я хочу получить не твои домыслы, а факты. Ты меня понял? И нужна мне вся эта информация сегодня к вечеру. Плачу двойную цену за скорость, – ответил Антонио, совершенно нерасположенный к шуткам.

– Хорошо, сеньор Марчиони, сделаю.

– Вот и отлично, до свидания. – И Антонио отключился, как раз сварился кофе. Он взял кружку и подошел к широким стеклянным раздвижным дверям, ведущим на внутренний дворик и веранду. Переступил порог и вздохнул полной грудью. Пахло свежестью, справа доносились журчание воды в фонтане, он опустился в кресло с пухлыми светлыми подушками и вытянул ноги.

– Черт побери, хорошо! – произнес он, смотря перед собой.

Зазвонил телефон, который он положил на стеклянную поверхность столика, его ассистентка.

– Да, Эбби, слушаю, – рявкнул он.

– Мистер Марчиони, должна вам напомнить, что через десять минут к вам приедут ландшафтные дизайнеры, которых вы просили пригласить, чтобы они высадили цветы. Предполагалось, что они должны были все сделать в ваше отсутствие сегодня, но ваши планы вчера внезапно изменились. Я не стала отменять их, если вы не возражаете.

Он улыбнулся, Эбби была уникальной, ему повезло с ней, в этом он мог признаться сам себе после полугода совместной работы. Она помнила все, имена, фамилии, встречи. Все. Он взял ее, прочитав ее резюме, но когда встретился с ней, то подумал, что погорячился. Она была

худенькой, тоненькой, с короткой стрижкой и совершенно внешне не походила на человека, способного быть для него настоящей ассистенткой. Но после первой недели он был несказанно поражен, она выполнила все, ни разу не напортачив, совершенно не обращая внимание на его настроение. А поскольку он был итальянцем – импульсивным мужчиной, с неумной энергией с утра до вечера, и старался вести себя сдержанно с подчиненными, но не с ней, учитывая его колоссальную нагрузку. Получается, что ей —личной ассистентке всегда приходилось отдуваться за всех. Он все ждал, что она сдастся и уйдет, но она молчала, продолжая выполнять свою работу, не жалуясь и не причитая. Антонио оплачивал ей все сверхурочные часы, даже давал премию, потому что она была личным ассистентом миллиардера и работала 24 часа в сутки семь дней в неделю. Иногда он баловал ее, отправляя на день в фешенебельный спа-салон. Она возвращалась похорошевшая, посвежевшая, с еще большим усердием принимаясь за работу. Он точно знал, что может ей позвонить в три часа ночи, разбудить и дать задание, которое она выполнит, опять же не жалуясь.

– И я взяла на себя смелость, заказав некоторые сорта растений, зная, что у вас на вилле имеется альпинарий. Надеюсь вам понравится, остальные они посадят на свой профессиональный вкус, – продолжала Эбби.

– Спасибо, ты можешь сегодня отдохнуть, думаю мне не понадобится. Ты перенесла все мои встречи?

– Да, мистер Марчиони, как вы вчера и просили. Я переслала вам на почту отчеты, о которых вы тоже спрашивали. Но в 17 часов у вас должен состояться пресс-колл, напоминание есть у вас в почте. Я буду на связи, если вам что-то потребуется.

– Хорошо, спасибо, Эбби, и, если ты решишь себя сегодня чем-то побаловать, например, спа-салонем, фирма готова будет оплатить твои затраты. Хорошо сегодня проведи время, ты это заслужила.

– Спасибо, мистер Марчиони, – произнесла она, Антонио только положил трубку, как раздался звонок в дом со стороны ворот.

Он вернулся к входным дверям, нажал на кнопку на стене, открывая ворота, заехали два небольших белых пикапа, остановившихся перед большим дубом посередине двора, с выложенными кругом мелкими камнями. Из первого вышло пять человек, направившись ко второй машине, открыли задние двери и стали вытаскивать ящики с рассадой. Антонио с интересом наблюдал за ними, вернее за цветами, которые они доставали, и когда ему уже показалось, что ящики закончились, потому что их было такое количество, словно они решили засадить цветами огромное пространство, появились цветы в горшках. Многие он видел впервые, если уж честно, таких расцветок и форм, он не видел вообще никогда.

– Хм! – произнес он, обращаясь к мужчине, который видно был у них главным. – А вы уверены, что вся эта красота здесь будет расти. Кто будет за ней ухаживать... а поливать?

– Мистер Марчиони, ваша ассистентка сказала, чтобы мы продумали этот вопрос. Мы привезли с собой специальное оборудование, проложим шланги с опрыскивателями в земле, все будет работать автоматически. Если вы не возражаете, мы могли бы приступить, у нас на все уйдет около четырех-пяти часов.

– Да?! – Антонио удивленно приподнял бровь. – Все теперь автоматизировано. Ну, что ж, не буду вам мешать, – он удалился в дом, решив немного поработать, а потом отправиться в коттедж к Моне Блиссе.

Через два часа выйдя на террасу у входа в дом, он был приятно удивлен и поражен увиденным. В том месте, где были навалены камни, по бокам гравийной дороги, теперь пестрел ковер из разных низкорослых цветов, какие-то ярко-красные сползали с камней, как поток воды, потом шли мелкие, типа незабудок, растянувшиеся голубым полем по края. Но больше всего его поразило дуб, вокруг него тоже было море мелких цветов, через которые не было видно даже их листьев – фиолетовых, белых и ярко-малиновых, фиолетовые ползли по стволу

дуба, как бы огибая его. Антонио даже подошел и провел ладонью по ковру цветов. Живые, а со стороны ему показались искусственные.

– Вижу, вам нравится? – спросил мужчина, который был у них начальником. – Это аубреция совсем неприхотливое растение, которое растет в наших краях. Правда очень красиво?

– Да, очень, – согласился он.

– Я решил не украшать с фасада вашу веранду, лучше украсить внутренний дворик, где у вас стоит стол и вы, наверное, будете принимать гостей.

– Хорошо, поступайте, как считаете нужным. Я должен уехать на некоторое время, когда закончите, закройте ворота.

– Не волнуйтесь, мистер Марчioni, мы привыкли обслуживать известных клиентов и дорожим репутацией своей фирмы. Все будет сделано.

– Отлично, тогда, удачной работы. – Ответил Антонио, направившись к машине.

– И вам хорошего дня.

Антонио завел двигатель и огибая дуб, разглядывая со стороны водителя в боковое окно ковер цветов, ползущих по стволу, невольно улыбнувшись от такой красоты, вырулил к открывающимся воротам, через две секунды он выехал на общественную дорогу.

10

Проснувшись Нина от голоса Тео и бабушки, раздававшихся с кухни. Мона что-то резкое говорила брату, Тео смеялся в ответ. Потом по коридору послышались приближающиеся шаги, дверь в ее комнату открылась, на пороге стояла бабушка.

– Санни, вставай, поехали ставить тотемы, хотя твой брат и смеется над ними, – специально громко сказала Мона в коридор, чтобы Тео услышал. – Но вот увидишь все сработает, так всегда было, всегда и будет.

– Ба, мы живем в двадцать первом веке, а ты все веришь в какие-то тотемы, способные защитить от дурного глаза, – крикнул Тео ей в ответ.

Нина поняла, что поспать больше не дадут, поэтому поднялась с постели и направилась в ванную комнату. Она почистила зубы, умылась, заплела волосы в хвост и скрепила его заколкой крабом, сверху оставив торчать игривый хвостик. Затем оценивающе оглядела содержимое своего шкафа, оторвала старые светло джинсовые короткие с торчащей бахромой шорты, надела темно-синий кружевной лифчик и белую обтягивающую майку с толстыми бретельками, с воротом лодочкой. Еще раз заглянув в ванную комнату, она внимательно осмотрела себя в зеркало, сказав:

– Имею полное право так ходить, я в отпуске. – На ноги она надела холщовые темно-синие на плоской подошве туфли.

И направилась на кухню завтракать, откуда доносились вкусные запахи жареного бекона и яичницы.

Тео продолжал пикироваться с бабушкой, подсмеиваясь. Нина была еще настолько сонной, что не принимала участия в их шуточках друг над другом. Брат поцеловал Мону в щеку, кивнул сестре, сказав, что позвонит, как только что-то узнает и вышел за дверь. Нина допила последний глоток кофе, поняла, что ей потребуется еще, поэтому сварила и налила в кружку-термос очередную порцию и тоже вместе с бабушкой направилась на выход. Выйдя на террасу, она увидела четыре длинные довольно толстые в обхвате столбика, разукрашенные какими-то разноцветными символами и орнаментом, прислоненные к балке у лестницы.

Бабушка подхватила их и волоча по ступенькам, стала спускаться, направляясь к шевроле Нины, на капоте которого лежал большой черный пакет.

– А это что такое? – спросила внучка.

– Мне нужно. – Нина открыла заднюю дверь, куда Мона положила наискосок тотемы, потому что прямо они не влезали на заднее сиденье, потом забрала у внучки черный пакет и бросила туда же на заднее сиденье машины.

Выруливая на трассу, Нина посмотрела на бабушку, постукивающую подушечками пальцев по своему посоху, она явно находилась в приподнятом настроении.

«Слава Богу!» – подумала Нина, если бы Мона впала в тоску, все вокруг бы стало серым. Бабушка обладала живительной энергией, как святой источник, вокруг нее все время что-то происходило, крутилось, кипела жизнь.

Нина даже не стала спорить и что-либо говорить по поводу тотемов, это было бесполезно. За столько лет она уже привыкла, что если Мона что-то задумала и решила, то отговаривать нет смысла, тем более, когда дело касалось коренных жителей – индейцев. В бабушке было намешено много кровей – испанских, французских и, Нина подозревала, что сама ее родословная тянулась именно от племени мивоки, иначе она не могла объяснить такую любовь Моны к их наследию и традициям. Она даже подозревала, что бабушка была, пожалуй, единственным человеком, которая свято верила в магическую силу тотемов, каждый раз говоря, что духи «Лунной долины» помогут ей, как помогали не одному поколению коренных жителей. Можно даже не говорить, что община индейцев Сономы Мону обожала и готова была сделать для нее все, хотя они не единственные проявляли к ней свою любовь, бабушку любили многие, очень многие. Всю жизнь, сколько помнила себя Нина, она вечно куда-то спешила, с кем-то встречалась, к ним домой часто приходили ее знакомые и друзья (а в знакомых у нее был чуть ли не весь город), друзей, настоящих друзей у бабушки было мало, несмотря на свою неумную энергию и жизнерадостность, близко подпускала она к себе не многих – избранных, хотя со всеми была приветлива, доброжелательна и готова помочь.

Она немного сбавила обороты своей неудержимой деятельности два года назад, когда у нее стали болеть ноги и ей уже тяжело было долго ходить, а раньше, она уходила утром на встречу женского комитета (будучи его председателем какой год подряд), бесконечно что-то придумывая, обустривая, собирая пожертвования и делая еще много-много разного, и домой возвращалась только вечером.

Сегодня на бабушке была белая блузка, длинная плиссированная юбка, черный завязанный на затылке платок с белыми разводами, ожерелье из черного оникса и такой же браслет на запястье.

– Ты не надела свои звенящие браслеты, – заметила Нина, потягивая кофе из кружки-термоса.

– Тотемы любят тишину, не нужно отвлекать их звоном безделушек, – тут же ответила Мона.

Внучка припарковала машину на обочине у виноградника и вышла, направившись к задней двери. Она взяла расписные столбики, дерево было гладким и теплым, бабушка достала черный пакет. Огляделась по сторонам, вздохнула и произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.